

Б. Э. ПЭРИС

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРА «ЗА ЗАКРЫТОЙ ДВЕРЬЮ»

ПСИХО ТЕРАПЕВТ

Бернадетт Энн Пэрис

Психотерапевт

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70208686

Психотерапевт: Синдбад; Москва; 2023

ISBN 978-5-00131-552-0

Аннотация

Пережив в прошлом трагедию, Элис уже не надеется обрести счастье. Но, встретив Лео, понимает, что жизнь не кончена, что судьба, похоже, улыбнулась ей, и вскоре они, полные надежды на новую, счастливую жизнь, переезжают в элитный жилой комплекс в Лондоне.

Поближе познакомившись с соседями, Элис узнает о своем новом доме нечто ужасное. Остаться в нем для нее теперь невозможно, но и уехать, не разгадав тайну Нины, психотерапевта, которая здесь жила и здесь же погибла, она не в силах. Элис чувствует странную связь с Ниной, и одержима желанием узнать, что же произошло. Но те, кто мог бы ей помочь, упорно хранят молчание. За идеальными фасадами – сплошь тайны и ложь. А цена правды может оказаться непомерно высокой.

Содержание

Прошлое	5
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	22
Глава 4	34
Глава 5	41
Глава 6	48
Глава 7	56
Глава 8	63
Глава 9	74
Глава 10	83
Глава 11	91
Прошлое	98
Глава 12	101
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Б. Э. Пэрис

Психотерапевт

*Посвящается Марго,
благодаря которой книга стала намного лучше*

B. A. Paris
THE THERAPIST

Copyright © Paris 2021

By arrangement with *Darley Anderson Literary, TV & Film Agency* and *The Van Lear Agency*

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2023

Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма «Корпус Права»

© Издание на русском языке, перевод на русский язык.
Издательство «Синдбад», 2023

Прошное

Кабинет у меня маленький, минималистичный, само совершенство. Дизайн – в успокаивающих серых тонах. Одно серое кресло-кокон – для клиентов, другое, бледной кожи, – для меня. Справа от моего кресла – столик, за которым я пишу в блокноте, на стене – крючки для одежды, и на этом все. Комната для расслабляющих процедур находится за дверью слева. Стены там нежнейшие-розовые, окон нет, лишь две затейливые лампы бросают золотистый свет на массажный стол.

Сквозь жалюзи на окне кабинета мне видно всех, кто подходит к дверям. Я жду новую клиентку: надеюсь, она придет вовремя. Если опоздает – что ж, возьму ее на карандаш.

Она опаздывает на две минуты, это прощительно. Взлетает по ступенькам, жмет на звонок, тревожно оглядываясь по сторонам и втянув голову в плечи, – опасается, как бы кто ее не узнал. И зря: никаких табличек, рекламирующих мои услуги, снаружи нет.

Я впускаю ее, предлагаю расположиться поудобнее. Она садится в кресло, ставит у ног сумку. Темно-синяя юбка и белая блузка, волосы собраны в аккуратный хвост, словно у нас собеседование по поводу работы. Ну, что-то вроде собеседования ей пройти придется. Я кого попало не беру. Нужно соответствовать.

Спрашиваю, не холодно ли ей. Люблю, когда окно открыто, — но весна все никак не перейдет в лето, поэтому сегодня пришлось включить отопление. Смотрю в окно, пока она устраивается, и наблюдаю за расчерчивающим небо самолетом. Слышится вежливое покашливание; пора приступать.

Я поворачиваюсь к клиентке и, следуя всем канонам профессии, задаю стандартные вопросы. Первая встреча — в некотором роде всегда самая скучная.

— Это же неправильно, — произносит она.

Я пока лишь на середине опросника. Поднимаю глаза от блокнота, в котором делаю пометки.

— Хочу, чтобы вы знали и помнили, что все сказанное здесь — конфиденциально, — сообщаю я.

Она кивает:

— Я просто ощущаю какую-то невообразимую вину. С чего мне вообще чувствовать себя несчастной? Ведь у меня все есть.

Я отмечаю в блокноте слова «счастье» и «вина» и, подавшись вперед, смотрю ей прямо в глаза:

— Знаете, что на этот счет думал Генри Дэвид Торо? «Счастье подобно бабочке: пока за ним гонишься, оно ни за что не дается в руки. Но стоит отвлечься на что-то иное, как оно тут же вернется и само опустится тебе на плечо».

Она улыбнулась, расслабилась. Мои ожидания оправдались: ей понравилось.

Глава 1

Возбужденные голоса оторвали меня от распаковки коробки с книгами. Весь день было так тихо – трудно поверить, что я и вправду в Лондоне. Там, в Харлстоне, в окна долетали бы знакомые звуки: щебет птиц, рокот машины или трактора да изредка цоканье конских копыт. А тут, внутри нашего «Круга», – полная тишина. Это оказалось неожиданно – и, пожалуй, хорошо.

Я смотрю на дорогу из кабинета Лео наверху. Женщина, белокурая, со стрижкой пикси, в шортах и майке, обнимает другую, высокую, стройную, с медно-рыжими волосами. Ту, что пониже, я знаю, это наша соседка: я вчера поздно вечером видела, как она вдвоем с мужчиной вытаскивала из машины чемоданы перед домом номер пять. Вторую я раньше не встречала, но по виду она тоже здешняя: идеально сидящие темно-синие джинсы, облегающая белоснежная футболка, прокачанная фигура. Надо бы отодвинуться от окна, потому что если они посмотрят вверх, то заметят меня. Но мне так одиноко, что я не двигаюсь с места.

– Я собиралась заглянуть после пробежки, честное слово! – говорит первая.

Вторая недоверчиво качает головой, но в ее голосе слышится улыбка:

– Не очень-то хорошо с твоей стороны, Ева, я тебя вчера

ждала.

Ева – вот, значит, как ее зовут – смеется:

– Когда мы приехали, было уже десять вечера, поздновато, чтобы тебя беспокоить. Ты когда вернулась?

– В субботу, чтобы сегодня отправить детей в школу.

Внезапный порыв ветра зашуршал листьями платанов в сквере напротив дома и заглушил окончание фразы. Здесь очень красиво, прямо как в каком-нибудь сериале, смакующем престижную столичную жизнь. Даже не верилось, что подобные места существуют, пока Лео не показал мне фотографии; да и после все это выглядело слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Я перевожу взгляд на фургон интернет-магазина, показавшийся в черных воротах нашего жилого комплекса, смотрю, как он медленно выворачивает на левую дугу подъездной дорожки. Лео наполняет наш новый дом вещами, которые, по моему, нам не нужны, так что это, должно быть, к нам. Вчера приехала большая красивая, но бесполезная хрустальная ваза, и он целую вечность ходил с ней туда-сюда по гостиной, пока не пристроил у выходящих на террасу стеклянных дверей. Однако машина проезжает мимо и останавливается у следующего дома. Я придвигаюсь поближе к окну, чтобы посмотреть на соседей из дома семь. Поразительно – на подъездной дорожке появляется пожилой мужчина. Никогда бы не подумала, что здесь есть пожилые. Не знаю почему; вероятно, потому, что «Круг» – современный комплекс в центре

Лондона.

Несколько секунд спустя машина отъезжает, и я снова перевожу взгляд на женщин. Будь я поуверенней в себе, пошла бы и представилась. А так я, с тех пор как мы сюда переехали десять дней назад, успела познакомиться с единственным человеком – с Мэри из дома девять. Она усаживала трех маленьких мальчиков с такими же, как у нее, густыми темными волосами и двух прекрасных золотистых лабрадоров в красный минивэн. Сказала мне «привет» через плечо, и мы перебросились парой слов. Мэри мне и объяснила, что почти все еще в отпуске и вернутся в конце месяца, к началу учебного года.

– Ты с ними уже виделась? – доносится до меня голос Евы; я вижу, как она кивает в сторону нашего дома, и догадываюсь, что речь о нас с Лео.

– Нет.

– Может, сходим сейчас?

– Нет! – Резкий тон другой женщины заставляет меня отступить от окна. – Больно надо мне с ними видаться.

– Не глупи, Тамсин, – примирительно говорит Ева. – Ты же не сможешь их игнорировать. Здесь это не получится.

Не дожидаясь ответа Тамсин, я с колотящимся сердцем скрылась в глубине дома. Вот бы Лео был здесь. Но он с утра уехал в Бирмингем и вернется лишь в четверг. Мне стыдно, потому что какая-то часть меня испытала облегчение, глядя, как он уезжает. Последние две недели были несколько на-

прижненными — очевидно, из-за того, что мы пока не привыкли быть вместе. С момента нашего знакомства полтора года назад мы встречались только по выходным. Лишь в наше первое утро здесь, когда Лео отпил апельсиновый сок прямо из пакета и поставил его обратно в холодильник, я поняла, что не знаю его привычек и причуд. Знаю, что ему нравится хорошее шампанское, что он спит на левой стороне кровати, любит прижиматься подбородком к моей макушке и так много ездит по Великобритании, что уже возненавидел путешествия и даже не сделал себе паспорт. Но мне еще столько предстоит в нем открыть; и теперь, сидя на верху лестницы в нашем новом доме и ощущая босыми ступнями мягкий серый ковер, я чувствую, как уже скучаю по нему.

Разумеется, подслушивать чужой разговор не стоило, но слова Тамсин все равно задевали. Вдруг мы тут никогда ни с кем не подружимся? Именно этого я и испугалась, когда Лео в первый раз предложил мне переехать к нему в Лондон. Все будет хорошо, уверял он, но, когда я предложила устроить новоселье и пригласить соседей, энтузиазма не проявил.

— Давай сначала познакомимся со всеми, а потом уже будем приглашать, — сказал он.

А что, если не познакомимся? Что, если нам самим нужно сделать первый шаг?

Достав из кармана телефон, я открываю вотсап. Мэри при нашей первой встрече предложила добавить нас с Лео в общий чат жилого комплекса, и я дала ей наши номера. Мы

еще ничего там не написали, а Лео даже собрался оттуда выйти, поскольку в группу сразу посыпались сообщения о бесхозных посылках и о ремонте небольшой игровой площадки во дворе.

— Лео, так нельзя! — воскликнула я, ужаснувшись от мысли, что соседи сочтут его грубияном. И он согласился просто отключить звук уведомлений.

Я смотрю на экран. Сегодня в группе уже двенадцать новых сообщений, и я, прочитав их, ощущаю еще больший мандраж. Все поздравляют друг друга с возвращением из отпуска и говорят, как им хочется поскорей увидеться, поболтать, снова пойти на йогу, покататься на велике, поиграть в теннис.

Подумав с минуту, я пишу: «Всем привет, мы ваши новые соседи из дома 6. Рады пригласить вас к себе на коктейли в субботу, в 19:00. Сообщите, пожалуйста, кто придет. Элис и Лео».

И, чтобы не передумать, тотчас отправляю.

Глава 2

– Вот ты где, – говорит Лео, входя на кухню со штабелями грязных стаканов в руках. Сгрузив их у раковины, откидывает волосы со лба. – Идешь во двор? А то весь разговор пропустишь. – Он приподнимает бровь. – Мне тут объяснили, что к приезду мусорной машины наши мусорные баки должны стоять у дороги, чтобы их было видно, а не за домом.

– Вау. – Я улыбаюсь. – Даже не знаю, что ответить. – Взяв пакет с чипсами, я высыпаю их в пиалу, успев подхватить два перелетевших через край. Нос улавливает запах трюфельного ароматизатора. – Я присоединюсь к вам, когда все придут, – заверяю я. – Кому-то же надо быть здесь и открывать гостям дверь.

Лео вопросительно поднимает бровь:

– С каким они вкусом?

– Попробуй.

Взяв ломтик, разгрызает, морщит нос.

– С трупным, – говорит он. – Со вкусом трупа.

Я хихикаю: понятно, о чем он. Вкус пикантный, землистый.

Лео снова откусывает, снова демонстративно морщится, и я радуюсь, что он наконец расслабился. Поначалу он совсем не обрадовался, узнав, что я взяла инициативу в свои руки и пригласила всех к нам. Я огорошила его этим в четверг

вечером, когда он вернулся из трехдневной поездки в Бирмингем. Пекло продолжалось, он зажарился и вымотался.

— Я думал, мы договорились не торопиться, — ответил он, теребя воротник рубашки.

Я виновато потянулась за бутылкой вина, желая его успокоить.

— Да это так, просто выпить, — ответила я, понимая, что следует избегать слова «вечеринка».

— И кого ты пригласила?

Я протянула ему бутылку и принялась искать в ящике штопор.

— Тех, кто тут живет.

— Что, всех?

— Да. Но соседи из третьего дома не могут, а из девятого будет либо только Мэри, либо только Тим, так что максимум двадцать один человек.

— И когда это будет?

— В субботу.

— В эту субботу?

— Да.

Весь вечер он молчал, а вчера пошел к Уиллу, с которым живет Ева. Я наблюдала из окна, как они беседуют на пороге, и опасалась, что Лео скажет, будто это недоразумение и все отменяется. Однако по возвращении он объявил, что идет за пивом и шампанским, и я облегченно выдохнула.

— Как шампанское, пользуется успехом? — спрашиваю я. —

Хватит наших запасов?

– С моей скоростью – не хватит!

Это голос Евы: взглянув через плечо Лео, я вижу ее в дверях с пустым стаканом в руках и розовым румянцем на щеках – под цвет розовых прядей в ее платиновом блонде.

– Оно потрясающее! Я теперь, наверное, на просекко и смотреть не смогу.

Я познакомилась с Евой на следующий день после того, как подслушала их с Тамсин разговор под окном, и тут же прониклась к ней симпатией. Она, в отличие от Тамсин, очевидно, хотела с нами познакомиться, к тому же была очень любезна и мила, понимая, что нелегко вот так взять и переехать в комплекс, где все друг друга знают. Они с Уиллом сами перебрались сюда лишь полтора года назад, так что для нее здесь все тоже еще не совсем привычно.

Лео поворачивается к Еве:

– Все уже пришли, Ева, как думаешь? Элис волнуется, что не услышит из сада звонок в дверь.

– Уилл только что пришел – тренировка затянулась. Думаю, все уже здесь, кроме Мэри и Тима, – отвечает она. – Но я не видела, чтобы они писали в ватсапе, что оба сидят с детьми.

Я достаю из холодильника три бутылки шампанского, передаю одну Еве и две Лео.

– Да, Мэри говорила, что кто-то один из них придет, если получится.

Ева смеется:

– Да уж, у них трое мальчишек, так что вырваться трудно.

Милые, но шумные.

– Еще Эдвард с Лорной не пришли, – говорю я. Это наш пожилой сосед и его жена. – Я заходила к ним представиться и убедиться, что они видели приглашение. Но они сказали, что не уверены, смогут ли.

– Не уверена, что они любят вечеринки. Честно, я думаю, что никто уже больше не придет. Но почему бы просто не отпереть дверь? – Ева прижимает к груди бутылку, словно опасаясь, что ее отберут. – Тогда, если Мэри или Тим все-таки появятся, они смогут войти сами.

Я растерялась. В Харлстоне я бы спокойно оставила дверь открытой, но город – дело другое. Лео, заметив мои сомнения, целует меня в макушку.

– Не волнуйся, – говорит он. – Мы же на закрытой территории. Никто без спроса тут не появится.

Я улыбаюсь ему. Он прав; пора мне отбросить предрассудки насчет Лондона. Я уже иду через холл, чтобы отпереть дверь, и тут в нее звонят.

– Вернусь через минуту! – кричу я Лео через плечо. – Только открою.

Я открываю дверь высокому симпатичному мужчине в стильных чиносах и красивом льняном пиджаке. Отступив назад, он смотрит на меня сверху вниз, слегка прикрыв веки глубоко посаженных серых глаз.

– Вы, наверное, Тим, – говорю я улыбаясь. – Я Элис. Проходите.

– Привет, Элис, рад познакомиться.

Он заходит в холл, наклонив голову, чтобы не задеть стеклянный абажур. На секунду повисает тишина.

– Вы раньше в этом доме бывали? – спрашиваю я, прервав молчание.

– Нет. Но я знаю, что вы тут кое-что переделали.

– Только наверху. Снесли стену и увеличили спальню.

– Звучит интригующе. Пытаюсь себе вообразить. – Он глядит на лестницу. – Спереди или сзади?

– Сзади. Могу показать, если хотите, – прибавляю я с улыбкой: мне в этот вечер не впервой таскаться наверх. Изначально все двенадцать домов комплекса были совершенно одинаковыми, но потом некоторые переделали. Людям интересно, как мы использовали такое же пространство.

– Отлично, с удовольствием посмотрю, – отвечает он, поднимаясь за мной по лестнице.

– Значит, Мэри вытянула короткую спичку, – говорю я, остановившись на площадке.

– То есть?

– Ей пришлось остаться дома и смотреть за детьми. Она говорила, бебиситтера найти не получилось.

Тим кивает:

– Да, не вышло. Начало учебного года – думаю, молодежь сейчас предпочитает зависать с друзьями.

Я открываю единственную дверь по правую руку от себя. Мы заходим, и сквозь открытые окна доносится болтовня и смех из сада.

– Потрясающе, – произносит Тим, оглядываясь по сторонам. – Я такой огромной спальни еще не видел.

– Это Лео придумал, – отвечаю я. – Три спальни нам было ни к чему, вот мы и объединили две в одну.

– Надеюсь, Мария ничего такого не придумает.

– Мария? – Я слышу заразительный смех Евы, и мне вдруг отчаянно хочется выбраться отсюда и быть там, среди них. – Прошу прощения, я думала, вашу жену зовут Мэри.

Тим улыбается.

– Да, но я зову ее Мария. Начал в шутку, потому что она ходила в католическую школу, и вот – прилипло. – Он глядит на шкаф, занимающий полстены напротив окна, очень глубокий, с красивыми решетчатыми дверцами. – Не знал, что бывают такие огромные шкафы.

Я смеюсь; Тим выходит из комнаты, и я спускаюсь вслед за ним.

– Спасибо, – серьезно произносит он внизу, в холле. – За экскурсию.

Я машу в сторону сада:

– Все на улице, так что берите стакан и наливайте себе что нравится. Я только дверь пойду закрою.

С минуту я стою у входной двери, вдыхая свежий воздух. Потом, проходя мимо кухни, замечаю у раковины Тима: он

наливает в стакан воду из крана. Собираюсь сказать ему, что на улице в мини-холодильнике есть холодная бутилированная вода, но, увидев, как Лео машет мне снаружи, начинаю пробираться к нему. Он стоит рядом с Уиллом, который, театральнo жестикулируя, что-то ему объясняет. Уилл – актер, восходящая звезда, с густыми темными волосами, римским носом и четко очерченным ртом, явно будущий любимец публики. С ним невозможно выйти из дома, жалуется Ева, – все узнают. Но я уверена, ей это льстит.

Я подхожу ближе, а к ним тем временем присоединяется Джефф из восьмого дома, разведенный, и – нет, не вспомню его имя, – еще мужчина с темно-рыжими волосами. Он пришел с Тамсин, и я немного настороже. Честно говоря, после подслушанного мной разговора я очень удивилась, когда она наконец отозвалась на мое приглашение в ватсапе и сообщила, что они с мужем – как его, Кэмерон? Коннор? – будут у нас в субботу. Может, это Ева ее уговорила.

Застенчиво разглаживая белый сарафан, оглядываю сад, проверяя, не скучает ли кто-то в одиночестве. Но все стоят группками; они знают друг друга уже сто лет и рады встретиться после каникул. Я оказалась чужой на собственной вечеринке.

– Элис, иди сюда!

Я вижу, как Ева, поднявшись на цыпочки, машет мне. Схватив со стола миску с чипсами, я иду к ним.

– Красивое платье.

Подняв глаза, я вижу перед собой мужчину с темно-рыжими волосами. Судя по четырём стаканам в его огромной руке, он собрался за добавкой.

– Спасибо, – улыбаюсь ему. – Прошу прощения, не запомнила ваше имя.

– Коннор. Я – лучшая половинка Тамсин. – В его голосе слышится шотландский акцент.

– А, я еще не знакома с ней лично, но при знакомстве учту. Он со смехом удаляется.

Выпендривается, думаю я, глядя ему вслед. И тотчас одергиваю себя: он ведь просто пошутил.

Я направляюсь к компании, в которой стоит Ева; готова поклясться, что глаза Тамсин при виде меня слегка сузились.

– А мы как раз говорили, какая вы молодец, что отважились сюда переехать, – произносит она и получает локтем от Евы. Крутые завитки кудрей вокруг лица, бледно-зеленые глаза – Тамсин просто неотразима.

– Уверена, что привыкну. – Я улыбнулась в ответ. – Особенно с такими приятными соседями, как вы, – прибавляю я в стремлении перетянуть ее на свою сторону.

Тамсин нахмурилась. Я чувствую, что не нравлюсь ей. Сердце обрывается в груди. Может, Тамсин ревностно охраняет круг своих друзей, и моя реплика прозвучала слишком самонадеянно – я, мол, воображаю, что могу в него вступить?

– Выпейте что-нибудь, – говорит хорошенькая брюнетка,

Кара. Помню, что она пришла с Полом, но не помню, из какого они дома. Из второго, кажется? Она запускает пальцы в миску с чипсами, которую я держу. – Чипсы безумно вкусные. Где вы их нашли?

– В магазине на Дин-стрит, – опережает меня Тамсин и сухо улыбается: – Я их там раньше брала.

Остаток вечера протекает стремительно. К моменту ухода последних гостей я чувствую себя увереннее, чем ожидала.

– Все такие дружелюбные, – говорю я Лео, когда мы с ним загружаем стаканы в посудомойку. – Надо начинать приглашать народ на ужин небольшими группами, чтобы можно было нормально поговорить.

Лео приподнимает бровь:

– Давай сперва подумаем, с кого начать.

– А я уже знаю с кого, – поддразниваю я. – Помнишь Кару и Пола из второго дома? Они реально классные.

Лео выпрямляется.

– Не сомневаюсь. Но не делай поспешных выводов о людях, Элис. И следи, что ты рассказываешь о себе. Не хочу, чтобы вышло как в Харлстоне.

Я смотрю на него в изумлении:

– Но почему?

Чтобы смягчить резкость своих слов, Лео прижимает меня к себе.

– Потому что я не хочу, чтобы все знали о наших делах.

Нам и вдвоем хорошо, Элис. – Он целует меня в губы. – Нам никто больше не нужен.

Глава 3

Воскресным утром, допоздна провалявшись в постели, мы спустились в сад и лежим рядышком в деревянных шезлонгах под оранжевым зонтом, который Лео нашел в гараже. Воздух – густой от пьянящего аромата жасмина; книга, которую я читаю, лежит у меня на груди. Я лениво поворачиваю голову к Лео. Он проверяет сообщения в телефоне и, почувствовав мой взгляд, переводит глаза на меня.

– Пол пригласил меня поиграть в теннис в следующие выходные, – говорит он. – А Коннор написал и напомнил о встрече общества жителей комплекса в четверг. – Он, положив телефон на траву, касается моей руки. – К счастью, я вряд ли успею вовремя вернуться из Бирмингема.

– Я в любом случае могу пойти, – бормочу я, прикрыв глаза и ощущая его руку.

– Я думаю, это больше для мужчин.

Мои глаза распахнулись сами собой.

– Ого, я и не знала, что, переехав сюда, мы вернулись в пятидесятые.

Лео, усмехнувшись, перекачивается на бок. Голубая футболка задралась, обнажив полоску кожи над шортами.

– Я не виноват. Судя по тому, что сказал Коннор, потом все идут к нему на виски. Он занимается продажей виски и, очевидно, обладает потрясающей коллекцией.

– А женщины, конечно, виски не пьют, – сухо говорю я. Потом тянусь к нему поцеловать: я счастлива, что он такой расслабленный. – Когда уже эта твоя работа в Бирмингеме кончится?

– Через несколько недель, надеюсь, – улыбается он. – Скорей бы уже можно было возвращаться к тебе каждый вечер. С тех пор как ты впечаталась задом мне в капот на светофоре, я только об этом и мечтаю.

Я не могу удержаться от смеха:

– Зачетная попытка. Мы оба в курсе, что это ты в меня впечатался.

– Я не впечатывался! – возмущается он и тоже смеется. – Я тебя только тюкнул, и то совсем чуть-чуть!

Так оно и было, тогда я даже не стала выходить из машины и проверять, тем более что стоял сырой и промозглый январский день. Но Лео подошел к моей машине, постучал в стекло и, стоя под дождем, жестами попросил открыть окно.

– Примите мои глубочайшие извинения, – произнес он.

Капли дождя катились по его лицу. Светофор зажегся зеленым, машины вокруг тронулись; он наклонился, и я увидела зелено-карие глаза, которые умудрялись смотреть одновременно и виновато, и восхищенно.

– Ничего страшного, – заверила его я. – Правда, я почти ничего не почувствовала.

– Ну как же? – отозвался он. – Я наверняка что-то повредил, хоть немножко.

– Все в порядке, честно. – Мне нравилось, что его мокрые от дождя волосы прилипли ко лбу, нравилась едва заметная щетина на подбородке; и мне захотелось, чтобы он действительно что-то повредил и у меня был бы повод продолжить разговор. Возможно, стоит все-таки проверить. Я отстегнула ремень безопасности. – Если вам так будет спокойней, давайте посмотрим?

Я обошла машину, подняв от дождя воротник пальто, и наклонилась, разглядывая бампер и микроскопические царапины, которые, вполне возможно, и так уже там были, потому что несколько недель назад я въехала задом в прицеп-коневозку моей подруги Дебби.

– Внутри могло что-то повредиться. Могу я дать вам свои контакты на случай, если у вас по дороге отвалится бампер?

Я улыбнулась:

– Ну, если вы настаиваете.

– Настаиваю. – Он достал из бумажника визитку и протянул мне. – И могу я также настоять на том, чтобы и вы дали мне свою визитку – на случай, если ваш бампер отвалится, а вы из деликатности мне не скажете?

Лео Кертис, прочитала я на карточке. Риск-менеджер.

– У меня нет визитки. Могу дать свой номер телефона, – ответила я.

В тот же вечер он мне позвонил:

– Хотел убедиться, что не было какого-нибудь отложенного эффекта.

– Я в порядке, машина тоже в порядке, – завершила я.

– Тогда мы могли бы отпраздновать это вместе, – предложил он, и я прыснула со смеху. – Могу я пригласить вас на ужин?

– Думаю, это не совсем удобно, – ответила я с сожалением.

Повисла неловкая пауза.

– Простите, я должен был догадаться...

– Нет-нет, я не то имела в виду, – торопливо прервала я. – Просто по вашей визитке я предположила, что вы живете в Лондоне. А я – в Восточном Сассексе. Встретиться за ужином не так просто.

– Не переживайте. Машина есть, можно доехать. Скажите, есть где-нибудь неподалеку от вашего дома хороший ресторан, куда я мог бы пригласить вас в качестве извинения за то, что врзался в вашу жизнь?

– Представьте себе, есть.

Вот так все и началось.

Лео кивает на мой мобильник:

– Кто-нибудь тебе написал? Или я их фаворит? – подкалывает он.

Я слегка раздражаюсь, но лишь из-за того, что Тамсин была так неприветлива.

– Только Кара. Поблагодарила за вечер. Очень мило с ее стороны – она ведь и так уже написала в вотсапной группе, как и все остальные. Они тут все прямо очень вежливые. Ви-

дел, сколько открыток «С новосельем» нам надарили? Я их в гостиной расставила, на каминной полке.

– Видел. Думаю, они там теперь надолго, – прибавляет он с улыбкой, намекая на то, как я по сто лет не убираю открытки к Рождеству или дню рождения.

– Наверное, это странно, но люди обычно так заботливо выбирают эти открытки, что я не могу просто взять и выкинуть их в ведро.

Потянувшись, встаю.

– Куда ты? – спрашивает он, лениво протягивая ко мне руку.

– Сделаю салат к стейкам.

Лео удовлетворенно вздыхает:

– Звучит соблазнительно.

Я проснулась от какого-то резкого движения. Лео сидит в постели.

– Кто здесь? – громко кричит он в ночной тишине.

Уже поздно, во мраке нашей спальни сгустились тени.

– Что такое? – шепчу я.

Кажется, что я спала минут десять. Который вообще час? Я тяну Лео обратно на постель, но он нетерпеливо сбрасывает мою руку.

– Тут кто-то был, – говорит он резко, тревожно.

– Что? – Сердце выскакивает из груди. Я сажусь, уже полностью проснувшись от всплеска адреналина. – Где?

– Здесь, в спальне. – Он нашаривает выключатель ночника, и белый искусственный свет тут же ослепляет меня. Я зажмуриваюсь, потом поспешно оглядываю комнату. Никого, только встроенные шкафы с решетчатыми дверями и кресло в углу с ворохом одежды.

– Ты уверен? – с сомнением спрашиваю я.

– Да!

Я, приподнявшись на локте, пытаюсь проникнуть взглядом сквозь приоткрытую дверь ванной, а мысль уже рисует картины: кто-то спрятался в душе, занеся длинный нож над головой. Лео, к моему ужасу, отбрасывает одеяло и спускает ноги с кровати.

– Куда ты?

Он стоит голый, весь напрягшись.

– Включу свет в холле.

Просунув руку сквозь приоткрытую дверь спальни, он нажимает выключатель на стене. Я прислушиваюсь в ожидании поспешных удаляющихся шагов кого-то, потревоженного светом, заливающего теперь всю площадку и лестницу.

Ничего.

– Позвонить в полицию? – спрашиваю я, хватая телефон с зарядки.

– Подожди. Надо убедиться, прежде чем что-то предпринимать. Я пойду проверю ту спальню.

Я выскакиваю из кровати, набрасываю халат и встаю у Лео за спиной. Под его защитой я чувствую себя менее уязвимой,

но сердце все равно бешено колотится.

– Я пойду с тобой.

– Нет. Оставайся тут и, если услышишь что-нибудь, звони в полицию.

– Подожди. – Я бегу в ванную, быстро проверяю, что там никого, и хватаю лак для волос. Снимаю крышку и даю баллон Лео. – Если кого-то увидишь, брызни ему лаком в глаза, чтобы ослепить.

В другой ситуации он бы посмеялся: абсолютно голый мужчина со спреем в качестве оружия. Но сейчас он берет баллон и, продвигаясь по площадке, держит его наготове, положив палец на распылитель. Я смотрю, как он проверяет гостевую спальню, потом кабинет. От страха у меня мурашки бегут по коже, и я готова в любой момент набрать 999.

– Никого! – кричит он. – Проверю внизу.

– Осторожней! – отвечаю я и после паузы спрашиваю: – Видишь что-нибудь?

Он не отвечает; я подхожу к перилам, смотрю вниз, в холл, и вижу, как Лео скрывается в гостиной. Через несколько минут он возвращается.

– Окна и двери заперты, никаких следов проникновения.

– А ты точно кого-то видел? – спрашиваю я, когда мы возвращаемся в спальню.

– Да... или нет... не знаю, – признается он. – Просто было чувство, что в комнате кто-то есть.

– Может, тебе приснилось.

Вид у Лео немного сконфуженный; он опускает баллончик с лаком.

– Может быть. Прости. Не хотел тебя пугать. Который, кстати, час?

Я смотрю в телефон.

– Три пятнадцать. Тебе надо поспать, вставать уже через три часа.

Мы залезаем обратно в постель, и он быстро засыпает. Я лежу без сна, радуясь, что Лео рядом, и вспоминая, сколько раз я в Харлстоне пугалась ночью от звуков, отдававшихся по всему коттеджу. Как хорошо, что Лео рядом, что больше я не должна справляться со всем одна. Та авария, когда Лео въехал в зад моей машины, – лучшее, что случилось со мной за долгие годы.

– Знаешь, это ты сама впервые хоть кем-то заинтересовалась, – ответила Дебби, когда я рассказала ей.

Она не ошиблась. К тридцати пяти годам я успела побывать в трех относительно долгих отношениях, однако все они развалились – не резко, а постепенно, невнятно, сама не знаю как. Я уже начала думать, что в принципе для них не создана. Конечно, меня огорчало, что я, возможно, так и не найду того, с кем могла бы провести остаток жизни, однако трагедии в этом я не видела. Но как только появился Лео, все изменилось.

Через полгода еженедельных встреч – Лео жил в своей квартире в Лондоне и приезжал в Харлстон только на выход-

ные – мы оба уже хотели какого-то развития. Однажды вечером мы отправились ужинать, и, когда Лео заказал шампанское, я запаниковала от мысли, что он, возможно, хочет сделать предложение. Мы ни разу не заговаривали о женитьбе, и я не хотела все портить заявлением, что мне нужно время подумать. Пока официант сражался с пробкой, я подумала, что, наверное, стоит согласиться. Провести оставшуюся жизнь с Лео в Харлстоне неожиданно показалось отличной перспективой.

– Элис, я хочу тебя кое о чем спросить, – сказал Лео, когда бокалы были наполнены. – Я хочу видеть тебя каждый день, а не только по выходным. – Он сделал глубокий вдох: – Ты переедешь ко мне?

Переехать? В смысле в Лондон?

– Я уж подумала, ты меня замуж хочешь позвать, – пошутила я, скрывая смущение.

Он коснулся моей руки.

– Я люблю тебя, но я никогда не верил в брак. И уже не поверю, в моем-то возрасте. Ни одного счастливого женатика не встречал, и потом, это всего лишь бумажка. Мы из-за нее не станем сильнее любить друг друга.

– Я не то имела в виду, – ответила я, делая глоток шампанского. – Я счастлива и без этого. Но когда ты сказал переехать, ты имел в виду – в твою квартиру в Лондоне?

– Да.

Я не могла дать ему тот ответ, которого он, очевидно,

ждал. Хотя мне и бывало временами одиноко в Харлстоне, все же это единственное знакомое мне место. Нигде больше я не жила. Здесь мои друзья. Здесь моя жизнь.

– Я могу подумать? – спросила я.

– Только не очень долго, – улыбнулся он. – Хочу, чтобы мы всегда были вместе, не только по выходным.

Мне удавалось избегать темы переезда в Лондон до тех пор, пока полгода назад у Лео не начались рабочие поездки в Мидлендс. Он не то чтобы поставил мне ультиматум, но спросил, не хочу ли я перебраться на север. Я поняла, что должна в чем-то уступить, если хочу быть с ним. А я хотела. Работать я могу из любого места, а он нет. Если что, в Харлстон из Лондона можно сравнительно быстро попасть с вокзала Кингс-Кросс. Вот только мне хотелось жить в зеленом районе, и мы договорились, что Лео продаст свою квартиру, я продам свой коттедж и мы найдем какое-нибудь жилье с садом, и чтобы рядом был парк. Так он сможет закончить свою работу в Мидлендсе – будет ездить туда с понедельника по четверг, а пятницу, субботу и воскресенье проводить в Лондоне со мной. Наш новый дом, моя новая жизнь.

Тут моя мысль перескакивает на реплику Лео, сказанную в субботу после вечеринки: что нам больше никто не нужен. Честно говоря, мне в голову не приходило, что он желает быть исключительно и только наедине со мной, круглые сутки, семь дней в неделю. Хотя он и правда человек очень замкнутый и мастер уходить от ответов на слишком личные

вопросы. Когда я пытаюсь объяснить, что он интересен людям, Лео отвечает, что они бесцеремонны.

– Кто это был? – спросила я его однажды в пятницу после обеда.

Я стояла у окна в своем коттедже в Харлстоне, ожидая его приезда из Лондона. Из-за жуткой погоды – шел снег, потом все заледенело – он выехал в полдень. Когда он вышел из машины, неизвестно откуда появилась какая-то женщина и заговорила с ним. Лео пытался от нее отделаться, но она не отставала, и я отчетливо слышала, как он попросил оставить его в покое.

– Спрашивала, каково это – жить в деревне, – произнес он в ответ на мой вопрос непривычно раздраженным тоном.

Наши отношения тогда только начинались, и я небрежно предположила, что это его бывшая. Однако Лео, как я вскоре обнаружила, ненавидит, когда вторгаются в его личное пространство. Потому у него и нет близких друзей – за исключением Марка, с которым он познакомился за два года до встречи со мной: тот выполнял для него какую-то работу. Я чувствую себя виноватой: я не согласна, что нам больше никто не нужен. Я люблю Лео, но мне и другие люди нужны – Дебби и остальные мои друзья из Харлстона. Они моя семья, и я без них уже скучаю. К счастью, тут, в Лондоне, у меня есть Джинни, жена Марка: она стала мне хорошей подругой и живет всего в нескольких милях, в Ислингтоне. И еще я надеюсь завести новых друзей тут, в нашем «Круге».

Я переворачиваю подушку, перетряхиваю, чтобы разровнять, потом смотрю на Лео, который натянул одеяло почти до макушки, и понимаю кое-что, чего до сих пор не понимала: я – это все, что у него есть. С родителями, которые, судя по его скупым рассказам, далеки от идеальных, отношения у него натянутые.

Он без конца что-то бормочет во сне, и меня вдруг охватывает порыв любви. Неудивительно, что ему хочется какой-то стабильности в жизни. Человека, на которого можно положиться.

Глава 4

– Увидимся во вторник, – говорит он на следующее утро, приподняв меня с кухонного стула и целуя. – Береги себя, хорошо? Смотри, запирай двери на ночь.

– Там никого не было, – напоминаю я и, прижавшись лицом к его рубашке, вдыхаю его запах. – Мы все проверили.

– Я знаю. Все равно береги себя, – отвечает он, прислонив на секунду подбородок к моей макушке.

Я притягиваю его к себе за галстук для последнего поцелуя.

– Люблю тебя.

В холле он подхватывает сумку и, махнув мне рукой, исчезает за дверью. Дверь захлопывается, и я слушаю его удаляющиеся по дорожке шаги, пока они не затихают. На мгновение воцаряется полная тишина, и тут мои мысли переключаются на того, кто здесь был ночью: на незнакомца, смотревшего, как мы спим. И только теперь, когда я стою, окутанная абсолютным безмолвием, меня вдруг словно ударяет.

Дом мне не нравится.

Я отдыхала в Венеции с Джинни, когда Лео позвонил и сказал, что присмотрел нам дом.

– Идеально, – сказал он, и в его голосе прозвучало облегчение, потому что к тому времени мы уже отвергли вариан-

тов двадцать, не меньше. – Скажи Джинни, она была права насчет Бена. Он гений – нашел ровно то, что нам нужно. Идеальный дом.

Джинни оторвала глаза от журнала, и я подняла большой палец. Перед поездкой в Венецию она посоветовала Лео обратиться к Бену, агенту по недвижимости. Несколько месяцев назад он нашел им с Марком дом их мечты.

– В каком смысле идеальный? – спросила я у Лео, поскольку все выглядело слишком просто. Слишком хорошо, чтобы быть правдой.

– Я там пофотографировал, сейчас пошлю тебе.

– На вид довольно большой, – ответила я через пару минут.

И непомерно дорогой – но этого я вслух не сказала. Продолжала листать фотографии внушительного белого дома с лужайкой, выходящей на внутренний проезд. Земля и небо по сравнению с моим коттеджем в Харлстоне.

– Там четыре спальни, три наверху и одна внизу, и две ванны, – объяснял Лео.

– Четыре спальни! Лео, нам не нужны четыре спальни!

– Да, но можно что-то придумать – например, использовать нижнюю как второй кабинет.

Я взглянула на следующий снимок.

– Между домами есть забор?

– Только сзади. Посмотри остальные фотографии. Это огороженный комплекс из двенадцати домов, совершенно

безопасный. А в центре симпатичный сквер.

Я пролистала еще несколько фотографий, показывая их Джинни, которая села рядом. Каждый дом стоял по левую сторону участка, а с правой был гараж и подъездная дорожка, отделявшая участок от соседнего. Сквер, окруженный черной оградой, выглядел очень живописно: цветники, скамейки, дорожки и небольшая детская площадка в уголке. Лучшее из всего, что мы видели до сих пор. Но безмерно далеко от того, что казалось мне привычным и комфортным.

– Не уверена, что хочу жить в закрытом комплексе. – Я тянула время.

– Это не простой комплекс, а довольно-таки элитный.

– А где это?

– Около Финсбери-парка.

Я оторопела. Мы ведь заранее исключили Финсбери: он нам не по карману.

– Разве в Финсбери не слишком дорого для нас?

– Фокус вот в чем. Дом очень давно пустует, и потому Бен думает, что я смогу взять его за ту же цену, что и моя квартира. А значит, тебе, Элис, не придется продавать коттедж в Харлстоне.

– Но я не против его продать, – возразила я. – Я ведь собиралась.

– Знаю. Но знаю и то, как много он для тебя значит. Я так и хотел. Найти дом, который смогу купить сам, чтобы ты свой не продавала. – Он помолчал. – Можешь сдать его, к

примеру, на полгода; а потом, если поймешь, что в Лондоне тебе не нравится, у тебя будет твой коттедж в Харлстоне, в который ты сможешь вернуться.

– Звучит как-то угрожающе, – сказала я, покидая Джинни и удаляясь в спальню. Закрыв за собой дверь, я продолжила: – Что ты хочешь этим сказать, Лео? Что мы не продержимся больше полугода?

– Нет, вовсе нет. Просто я знаю, как ты нервничаешь из-за переезда в Лондон; я подумал, тебе будет легче, когда ты знаешь: твой коттедж на месте и ждет тебя на случай, если ты со временем все тут возненавидишь. Это страховка. Чтобы мы могли перекроить наши планы при необходимости.

На глаза у меня навернулись слезы. Мысль о продаже коттеджа разрывала мне сердце, и я отчаянно пыталась скрыть свои чувства от Лео – очевидно, без особого успеха. Он прав: мне гораздо легче будет переехать в Лондон, если у меня останется мой коттедж.

– Почему ты так добр ко мне? – спросила я.

– Потому что люблю тебя. Ну что, я действую, предлагаю цену? Хочется сегодня все решить.

– Я тебе через час перезвоню, – пообещала я.

Потом не спеша снова пролистала фотографии. Джинни сказала, что дом ей нравится и что они с Марком живут недалеко.

– По крайней мере тебе не придется тащиться через весь Лондон, чтобы навестить меня, – сказала она, потянувшись

за своей широкополой соломенной шляпой, и нахлобучила ее на голову. – Давай-ка пропустим по бокалу вина в честь того, что ты наконец переезжаешь в Лондон.

– Я еще не согласилась на этот дом, – возразила я.

Что-то не давало мне покоя. Если я не продам свой коттедж, то это будет дом Лео, а не наш с ним дом. А это важно? Я снова вспомнила, как он говорил о том, почему мы не будем жениться. Полюбим ли мы друг друга больше, совместно владея домом? Вряд ли; так что я перезвонила Лео и дала добро.

Неделю спустя я наконец увидела дом воочию. Когда Лео пришлось набрать код на панели, чтобы открыть черные кованые ворота на въезде в «Круг», я поняла, что он подразумевал под элитностью.

– Каждый дом подключен к камере на въезде, так что посторонние сюда не попадут, – объяснял он.

Первый дом, под номером один, стоял слева от ворот; последний, под номером двенадцать, – справа. Наш, шестой, был посередине – точно напротив въезда, через сквер.

– Что думаешь? – спросил Лео, когда мы вышли из машины.

Я осмотрела белые стены, покатую красную черепичную крышу, аккуратно подстриженную лужайку, бетонную подъездную дорожку и ответвлявшуюся от нее мощеную тропинку, которая вела к входной двери. Все в точности как на других участках.

– Прямо циферблат из домов, – сказала я, улыбаясь, чтобы скрыть неуверенность.

Внизу был просторный холл, слева от него – довольно большая столовая, которую я тут же мысленно отвела под библиотеку, а дальше, за двустворчатой дверью, – кухня-гостиная, тянувшаяся вдоль всей задней стороны дома. По правую руку – просторная гостиная, за ней – спальня с ванной. Лестница справа от входа вела наверх, на широкую площадку с тремя спальнями, кабинетом и ванной.

– Я подумал, что из нижней спальни можно сделать второй кабинет, и тогда у каждого будет свой, – объяснял Лео.

– Хорошая идея. Если мой будет внизу, – ответила я, целуя его. – Мне нравится быть рядом с чайником.

– Нет проблем, тогда мой будет здесь. – Он открыл дверь на другой стороне площадки. – Это самая большая спальня.

– Прекрасно, – сказала я, оглядывая светлую и просторную комнату.

– Да, но зато в той, что рядом, есть своя ванная. Иди, посмотри.

Я пошла за ним; комната поменьше предыдущей, но все равно большая.

– Я подумал, мы можем объединить две спальни в одну, чтобы у нас была огромная спальня с ванной, – пояснил он. – И останется еще гостевая спальня для Дебби, когда она придет.

– Звучит отлично, – ответила я, придвигаясь к окну, что-

бы взглянуть на сад. Было начало мая, на лужайке роскошно цвел ракитник. Еще там росла, кажется, вишня, а слева вдоль забора тянулись кусты малины. – Красиво, – произнесла я зачарованно. – Серьезно, очень мило.

Лео подошел сзади, обвил меня руками.

– Так и вижу, как мы сидим там летним вечером с бокалом вина, – промурлыкал он.

Шее стало горячо от его дыхания, и я инстинктивно наклонила голову.

– Я тоже.

Он повернул меня к себе, чтобы видеть мое лицо.

– Так, значит, тебе нравится? – спросил он, всматриваясь своими карими глазами в мои.

– Очень, – ответила я, мысленно скрестив пальцы, потому что это было вовсе не так. Но я научусь любить этот дом ради Лео; в конце концов я проникнусь им.

Однако я не прониклась.

Глава 5

Я сижу, скрестив ноги, на полу в кухне и размышляю о том, что секунду назад так решительно заявил мне внутренний голос. Что я не люблю этот дом. Это неправда; не совсем правда. Кое-что я здесь люблю – к примеру, свой кабинет внизу. Стены в нем нежнейше-розовые: никогда бы не подумала, что мне понравится такой цвет, однако он мне нравится. И ванная есть, потому что изначально это была спальня. Стол, принадлежавший некогда моему отцу, стоит у окна, в углу – кушетка из квартиры Лео. Кухню я тоже люблю: рабочая поверхность светлого мрамора, белая мебель от «Бульхауп». Вернее, смогу полюбить, когда перестану так нахваливать. Пока что она для меня чересчур лаконичная, напоминает больницу. Кругом прямые линии, все попрытано в умные шкафчики. В общем, я не то чтобы ненавижу этот дом; мне скорее не нравится его атмосфера.

А может, дело в том, что атмосферы здесь как раз и нет. Дом построили всего пять лет назад, а коттедж, где я родилась и выросла и откуда уехала лишь несколько недель назад, стоит уже лет двести. Как хорошо, что удалось его сохранить. По совету Лео я сдала его приятной паре из Манчестера, которая захотела пожить за городом.

Бросаю взгляд на раскиданные передо мной на полу фотографии. В основном на них Дебби и другие мои друзья

из Харлстона, но есть и мы с Лео, в недельном отпуске в национальном парке Йоркшир-Дейлс. Я вытягиваю руку и достаю еще одну фотографию – портрет сестры. Поглядев на нее секунду, тянусь за следующей: родители и сестра в день ее выпускного. Подношу снимок к губам, прижимаю, закрыв глаза и вспоминая. Никак не поверю, что действительно собираюсь повесить эти два драгоценных фото на холодильник и невольно буду смотреть на них всякий раз, открывая или закрывая дверцу. И другие будут, и могут спросить о моей семье, и тогда мне придется объяснять. Вот почему я обычно держу их фотографии в спальне. Но этот переезд в Лондон для меня – начало новой жизни, причем в нескольких смыслах.

Встав на колени, я начинаю прикреплять фотографии к верхней дверце морозилки с помощью магнитиков. Когда свободное пространство в пределах досягаемости кончается, я поднимаюсь на ноги и продолжаю работу и в итоге завешиваю фотографиями всю дверцу. Отступаю назад, чтобы полюбоваться результатом, и в глаза бросаются два снимка сестры и родителей. Я оглядываю кухню; ее нужно еще как-то оживить. Иду в столовую за поваренными книгами, которые я расставила там на полках. Проходя мимо гостиной, бросаю туда взгляд сквозь дверь и улыбаюсь, увидев, что Лео положил все поздравительные открытки на камине лицом вниз – такая шутка после нашего вчерашнего разговора.

Вернувшись на кухню, я кладу стопку поваренных книг на

рабочую поверхность. Позже срежу в саду цветов и поставлю их в красный кувшин с золотым носиком, который купила на распродаже.

Спохватившись, что все еще не одета, поднимаюсь наверх и на секунду замираю на пороге спальни, которая до сих пор поражает меня своими размерами. Теперь, когда мы распаковали последние коробки, да еще и Лео уехал, она кажется еще больше. Меня вдруг охватывает желание вырваться из дома, и я начинаю искать свой белый сарафан в стопке одежды, аккуратно сложенной на стуле. В прогнозе погоды сказали, что на неделе похолодает, так что сегодня у меня, наверное, последний шанс его надеть. Сарафана нет. Я знаю, что он не в стирке, потому что я не хотела класть туда вчерашнюю одежду; наверное, повесила в шкаф.

Я заглядываю в его обширное нутро и просматриваю одежду на вешалках. Сарафана по-прежнему не видно. Достāju голубые шорты и топ – и тут замечаю, что в аккуратных рядах моей обуви на полу шкафа воцарился хаос. Наклоняюсь навести порядок и раздумываю, не зайти ли к Еве. Она профессиональный блогер, пишет в основном о косметических продуктах. И работает столько часов в день, сколько сочтет нужным.

– Идеальная работа, – призналась она, когда зашла поблагодарить за приглашение в ватсапе. – Спасибо сестре: она возглавляет «Бьютитек» и предложила мне вести блог. Я пишу о том, что мне нравится, тестирую замечательные про-

дукты. У меня столько пробников, что полки ломаются, — на-
помни, кстати, чтобы я тебе дала что-нибудь. До конца жиз-
ни хватит. Здорово, что мы можем работать из дома, правда,
Элис? Я иногда даже прямо в кровати работаю!

Могу лишь согласиться. Я — переводчик-фрилансер и хо-
тя пишу обычно за столом, зато частенько читаю свои тек-
сты как раз в постели, особенно зимой. Как и Ева, я люблю
свою работу и не страдаю без рабочего коллектива и поез-
док в офис. Нравится мне и неравномерная загруженность.
Сейчас как раз выдалась пауза — жду книгу от итальянского
издательства, с которым работаю. Так здорово передохнуть
пару недель, тем более что в последние месяцы перед пере-
ездом у меня был аврал. Но теперь пора снова браться за де-
ло, пока меня не засосала надвигающаяся скука.

Проходя мимо кабинета Лео, я замечаю, что его офисное
кресло повернуто боком. Захожу, кладу руку на спинку крес-
ла и поворачиваю его к столу. Потом гляжу в окно и обнару-
живаю, что отсюда виден каждый дом комплекса. Окна смот-
рят на меня, словно глаза, и я невольно вздрагиваю. Для чего
дома поставлены в круг? Чтобы все друг друга видели?

Спустившись вниз, я беру ключи и обуваю кроссовки. Не
буду беспокоить Еву — она, наверное, занята. Почему бы не
прогуляться? До сих пор я успела осмотреть лишь окрест-
ности нашего комплекса, и то вместе с Лео. А до Финсбе-
ри-парка пока не добралась.

Я перехожу дорогу у дома и иду к главному входу напря-

мик через сквер. Это добрых пять минут, если не спеша. Но мне нравится. Тут и скамейки, и игровая площадка – хорошо и для детей, и для тех, кто постарше. Всем подходит; замечательное место. Но все эти качели и горки явно требуют покраски – теперь понятно, к чему были эти сообщения в ватсапе про ремонт.

Лондона я совсем не знаю. На выходе из ворот комплекса на меня обрушивается какофония автомобильных гудков и сирен. Толпы на улицах, толчея – все это ново для меня, и я понимаю, что в Харлстоне я жила словно в коконе: там самые громкие звуки были от уборочных комбайнов на окрестных полях в середине лета. Однако есть в этом шуме что-то воодушевляющее: ощущение, что я – часть чего-то большего; и потому я ускоряю шаг, подстраиваясь под ритм лондонцев. Сверяясь с картой, добираюсь до Финсбери-парка и к концу пути уже как выжатый лимон.

В Харлстоне можно часами ходить по полям и никого не встретить. Парк я обхожу за час, но все равно приятно, что можно погулять где-то, не страшась, что тебя переедут. И потом, пора перестать сравнивать свою жизнь до переезда и после.

Возвращаюсь в «Круг». Набираю код на калитке, и в этот момент ворота открываются и въезжает минивэн Мэри. Она машет мне, я поворачиваю направо и, пройдя двенадцатый, одиннадцатый и десятый дом, останавливаюсь у девятого.

– Привет, Элис! – говорит она, вылезая из машины. – Как

дела? Освоилась тут?

– Да, более или менее. Вот сходила прогулялась.

– Хорошая сегодня погодка, да? У меня днем никаких встреч на работе не было, так что я решила уйти пораньше и забрать детей из школы.

Два мальчика выбираются из машины сами, Мэри подхватывает младшего, которому, наверное, года три, и захлопывает дверь.

– Давайте в дом, ребята. Попросите папу, чтобы налил вам сока.

– Жаль, что ты не пришла в субботу, – говорю я, пока мы вместе идем по дорожке.

– Мне тоже, – с сожалением отвечает она, улыбаясь. У нее очень нежное лицо, большие карие глаза и высокие скулы. – Все знакомые няньки нас бросили.

– Да, Тим говорил. Хорошо, что он смог прийти.

– Тим? – Ее лоб прорезает морщина. – Не думаю. Он был тут, со мной и мальчиками. Если только он пошел к вам, когда я уже спать легла.

– Наверное, потому что он точно у нас был.

Мэри озадаченно качает головой.

– Вот партизан. Ничего мне не сказал. – Она берет сумку с пола перед пассажирским сиденьем, подходит к дому и, заглядывая в холл, кричит: – Тим, а ты не говорил мне, что в субботу ходил к Элис и Лео!

– Подожди, – отзывается тот. – Я не слышу, что ты гово-

ришь.

– Избирательный слух, – торжественно объявляет Мэри; Тим подходит и становится рядом с ней в дверном проеме.

– Прости, что ты сказала? – Он глядит в мою сторону: – Привет. Вы наша новая соседка?

И я оказываюсь лицом к лицу с человеком, которого никогда не видела.

Глава 6

Мной овладело очень странное чувство. Ощущение, что сейчас случится нечто, что мне совсем не понравится.

– Так это вы – Тим? – озадаченно спрашиваю я.

Он смеется:

– До сих пор звали Тимом.

– Но вы не тот Тим, который приходил к нам в субботу. – Я поворачиваюсь к Мэри: – Тогда все понятно. Это был другой Тим.

– Я и подумала, что он бы не сбежал так, не сказав мне.

– Не сбежал куда? – спрашивает Тим.

– К Элис и Лео в субботу.

– Я не сбежал.

– Я знаю. Но там был кто-то, назвавшийся Тимом, и Элис решила, что это ты.

Я разглядываю Тима, отмечая различия. Он не такой высокий, не такой худой, и волосы не такие темные, как у того мужчины. И он не такой красавчик. А еще на нем полосатое регби-поло, в котором того, другого Тима, невозможно себе и представить.

– Тут у нас есть еще один Тим? – спрашиваю я. – У которого жену зовут Мэри?

– Я такого не знаю, – отвечает Мэри. – Если только еще кто-то новый въехал этим летом. Вот это было бы да – еще

пара с такими же именами, как у нас!

– Возможно, ее чаще называют Мария, чем Мэри. Может, тут есть Тим и Мария?

Тим качает головой:

– Вы уверены, что он представился как Тим?

– Да, – смеюсь я, скрывая смущение, поскольку до меня только-только дошло, что тот мужчина вовсе не представлялся Тимом. Это я сказала: «Вы, должно быть, Тим?» И выпустила его, не дожидаясь ответа. А как насчет того, что он назвал свою жену Марией, а не Мэри? Из-за того что он меня не понял и решил что-то выдумать, чтобы скрыть свою оплошность?

– Сколько ему лет? – спрашивает Мэри.

– Трудно сказать... сорок с небольшим, наверное.

Я рассказываю им все, что помню о Тиме, но они не могут вспомнить никого подходящего под описание.

Из глубины дома доносится грохот.

– Я лучше к ребятам вернусь, – торопливо говорит Тим.

– Может, это чей-нибудь брат. А может, человек шел мимо ворот и проскользнул в них следом за кем-нибудь из наших, – говорит Мэри. – С тех пор как Уилл снялся в сериале, сюда уже пару раз прорывались фанаты.

– Он не был похож на фаната.

Спохватившись, что становлюсь навязчивой, я сворачиваю разговор. Но продолжаю думать о странном госте на вечеринке и по дороге к дому – а идти мне оставалось ярдов

пятьдесят, мимо восьмого и седьмого номеров, – звоню Лео.

– Ты говорил с кем-нибудь по имени Тим в субботу вечером? – спрашиваю я после дежурного вопроса, как прошел его день.

– Вроде нет.

– Ты можешь постараться и вспомнить точно? Это важно.

– Я не помню никакого Тима, – отвечает он после паузы. –

А что?

Я вижу, как Джефф идет через сквер с двумя пакетами, полными продуктов, и машу ему.

– Просто пришел человек, назвавшийся Тимом, и я подумала, что это муж Мэри из...

– Не может быть, – прерывает Лео. – Я видел его утром, когда уезжал, и он извинился, что не смог прийти.

– Знаю, я только что с ним говорила. – Остановившись на нашей дорожке, я роюсь в кармане в поисках ключей. – Дело в том, что тут, похоже, нет других Тимов. – Зажав телефон подбородком, чтобы открыть дверь, я начинаю пересказ разговора с незнакомцем.

– Подожди секунду, – произносит Лео, когда я замолкаю. – То есть он на самом деле не представился Тимом? Это ты сказала «вы, должно быть, Тим», и все? Он не подтвердил, что он Тим?

– Но и не опроверг, – защищаюсь я, зайдя в холл и скидывая кроссовки.

– И насчет его жены – ты назвала ее Мэри, а он Марией?

– Да.

– Как он выглядел?

– Высокий, темные волосы, серые глаза, отлично одет, – перечисляю я, шлепая в кухню босыми ногами, и деревянный пол приятно холодит ступни. – Тебе это о чем-то говорит?

– Нет. Может, стоит соседей поспрашивать? Он наверняка с кем-то общался на вечеринке. Долго он пробыл?

Я беру из холодильника пакет сока, на секунду выхватывая взглядом фото сестры и родителей на холодильнике.

– Я не знаю. Я предложила ему выпить что-нибудь, пока я закрою входную дверь. Потом заметила его в кухне, и все. А ты уверен, что не видел его в саду?

– Уверен. Надеюсь, он не ходил наверх. У меня в кабинете куча конфиденциальных документов.

Мне хочется соврать, но я не могу.

– Сам не ходил.

– То есть?

Я тянусь к шкафчику за стаканом. Наливаю сок.

– Ну, я просто показывала там все кое-кому из гостей.

– Что? Зачем?!

– Им было интересно, как мы сделали перепланировку.

– Господи, Элис, не могу поверить, что ты целой толпе незнакомых людей демонстрировала наш дом! – Его голос полон раздражения, и я так и вижу, как он, разочарованный моим простодушием, вцепляется рукой в волосы, словно же-

лая их выдрать. – Откуда тебе знать, что он не пошел там все разнюхивать, когда ты оставила его одного?

– Он не пошел, – возражаю я.

– Ты говорила, что больше его не видела. Наверное, как раз пошел наверх шпионить.

– Не такой у него типаж. Он выглядел... не знаю...

– Нет никакого типажа! Ты проверила, все ли на месте?

– Нет...

– Думаю, стоит проверить, на месте ли твои украшения и кредитки.

Я начинаю впадать в панику.

– Конечно, все на месте, – говорю я, пытаюсь придать голосу уверенности, чтобы успокоить Лео. – Он, наверное, другого-то из наших соседей. Может, гостит у них или что-то в этом роде.

– Но он же не говорил ничего такого?

– Я поспрашиваю тут, – отвечаю я, мечтая поскорей закончить разговор.

– Перезвони мне потом. Если не выяснится, кто это, надо будет, наверное, полицию вызвать.

Повесив трубку, я бегу наверх, подгоняемая мыслью о человеке, который вроде был у нас в спальне ночью. Бросаюсь к туалетному столику проверить драгоценности – они целы, и кредитки в сумке, которая лежала на полке в шкафу с субботнего вечера, целы тоже. Все лежит в точности на своих местах. Но я не могу расслабиться; и не смогу, пока не вы-

ясню, кто был тот мужчина и зачем он прорвался на нашу вечеринку.

В семь вечера я решаю сходить к Еве и Уиллу. Кто-то должен знать того человека, кто-то же дал ему код, чтобы попасть на территорию комплекса. Машины Евы нет на месте, стучу в дверь – никто не отзывается, и я продолжаю обходить круг против часовой стрелки, отрывая соседей от ужина и телевизора. Некоторые любезно приглашают меня войти, но я остаюсь на пороге и, кратко объяснив ситуацию с непрошеным субботним гостем, спрашиваю, общался ли с ним кто-нибудь. Но никто его не помнит.

– Уверены, что он не плод вашего воображения? – с растяжкой отвечает Коннор из дома номер одиннадцать, услышав, что меня интересует высокий темноволосый симпатичный незнакомец. Стоящая рядом с ним Тамсин не то чтобы ухмыляется, однако от играющей на ее губах полуулыбки я смущенно краснею.

Обитатели десятого дома такого мужчины не припомнили, Джефф из восьмого – тоже. На середине дорожки, ведущей к дому Лорны и Эдварда, я спохватываюсь – в субботу их не было, но развернуться не решаюсь: вдруг они видели меня из окна. Звоню к ним в дверь.

– Надеюсь, вы не обидитесь, что я не приглашаю вас, – говорит Эдвард, открывая дверь. Белая копна волос, аккуратно зачесанная на косой пробор, не потускневшие с возрастом голубые глаза – он все еще красив. – Мы себя неважно

чувствуем и не хотим вас заразить.

– О, простите, – говорю я, раскаиваясь, что побеспокоила их. – Могу я как-то помочь?

Эдвард качает головой:

– Через пару дней будем как огурчики. Это всего лишь простуда.

– Жаль, что мы не смогли прийти к вам, – говорит появившаяся за его спиной Лорна, неловко поправляя свой аккуратный боб – такой же белый, как у мужа. – Было весело?

– Да, очень, спасибо. – Я замолкаю, и они выжидательно смотрят на меня улыбаясь. – Но случилось кое-что странное, – продолжаю я. – Я обнаружила, что, оказывается, приходил один мужчина, которого не звали.

– О? – отзывается Эдвард.

– Я думала, это Тим из девятого, – объясняю я. – Но сегодня я познакомилась с Тимом и поняла свою ошибку. И теперь неизвестно, кто же это был. Лео беспокоится, думает вызвать полицию. Но я уверена, что есть простое объяснение! – спешно прибавляю я, заметив, что лицо Лорны становится почти таким же белым, как и ее волосы.

Она подносит руку к шее и вцепляется в жемчужное ожерелье.

– Он сказал, что он ваш друг, – произносит она каким-то задушенным голосом, и меня пронзает тревога от того, что она слишком сильно сдавила бусы. – И что вы не подходите к домофону. И поэтому я его впустила.

Растерянность на лице Эдварда сменяется шоком. Он неотрывно глядит на жену, словно не в силах поверить, что она это сделала. Лицо Лорны теперь заливают краска.

– Мне очень жаль, я не поняла, что вы приглашали только соседей.

– Ничего, – поспешно заверяю я. – Зато наконец-то выяснилось, как он попал внутрь. А можете вспомнить, что точно он сказал?

– Он сказал, его пригласили выпить в дом номер шесть, но вы, наверное, не слышите домофон из-за шума. Я никогда раньше никого так не впускала, не проверив. Не понимаю, почему в этот раз впустила. – Она виновато смотрит на Эдварда, тот кивает, подтверждая, что она действительно впервые поступила так неосмотрительно.

– Да все в порядке, – уверяю я снова.

– Дайте нам знать, если выясните, кто это был, – говорит Эдвард и берется за ручку двери.

– Хорошо.

Осталось спросить только Еву и Уилла. Смотрю на их участок: машина Евы на месте. Отправляюсь прямо туда.

Глава 7

Ева прекращает срезать кинзу и поворачивается ко мне с ножом в руке.

– Ну что, никто его не вспомнил?

Я разочарованно качаю головой:

– Я весь наш «Круг» обошла. Вы с Уиллом – моя последняя надежда.

– Ты говорила, он высокий?

– Да, выше Тима.

– И он сказал, что его зовут Тим?

– Ну, он не сказал, что он Тим, но и не опроверг. Я предположила, что это он, потому что мы говорили, что придет либо Тим, либо Мэри. Я знаю только, что он не отсюда.

– Похоже на обычного халявщика, – смеется Ева.

– Не вижу тут ничего смешного.

– Извини. Я на самом деле немного восхищаюсь халявщиками. Особенно когда им удастся сорвать жирный куш. Если только они ничего не ломают и не крадут. – Она бросает на меня вопросительный взгляд: – Ведь нет?

– Нет, ничего, но дело не в этом. Мы не приглашали его, и его не должно было там быть.

– Мы с Уиллом один раз так просочились на свадьбу, – говорит она. – Было здорово. Пили коктейли в отеле на шумном банкете – там было человек двести, наверное. Потом

кто-то позвал всех к огромному шведскому столу. Дело было летом, и мы видели, как люди несут тарелки на улицу, к покрытым белыми скатертями столикам. Мы некоторое время наблюдали, и все как будто было по-простому: никаких карточек с именами, гости просто садились, где нравится. Тогда мы встали в очередь, навалили еды на тарелки и влезли за стол, где уже сидели три пожилые пары.

– Да ладно!

– Ага. Они, похоже, были только рады, что мы разбавили их компанию. Нас спросили, хорошо ли мы знаем молодежь. Мы ответили, нет, почти совсем не знаем. Практически не соврали. Тут выяснилось, что и они тоже. Что они соседи родителей невесты и их, в общем-то, пригласили больше из вежливости. Мы однозначно скрасили им вечер и потому считали, что не сделали ничего плохого. К тому же мы были очень голодные и очень молодые. Сейчас бы, наверное, так не поступили.

– У меня бы смелости не хватило, – отвечаю я. – Но как насчет нашего загадочного халявщика? Какой был смысл пролезать на вечеринку с напитками? Максимум, чем там можно было поживиться, – это ролл с сосиской и чипсы. Но он и этого не взял, ведь в саду его никто не видел. А я видела только, как он в кухне воду из-под крана наливает. Но вряд ли он ворвался к нам попить воды.

– Ты уверена, что ничего не пропало?

– Абсолютно. По крайней мере, ничего ценного. Украше-

ния и кредитки были на месте, когда я проверяла, и вообще в доме все цело. Да у нас и нет ничего особо ценного.

– А наверх он поднимался?

– Да, но это я его пригласила показать нашу перепланировку.

Ева замолкает, потирая рукой лоб.

– Ты все время была с ним?

– Да, но я думаю, он мог вернуться туда один, когда я была в саду. Лео недоволен, потому что у него в кабинете важные документы по работе лежат.

Ева снова берет нож и возвращается к кинзе.

– Спрошу Уилла, может, он видел на вечеринке кого-нибудь постороннего. Он вот-вот придет. Ты ела? Останешься на ужин?

Я неохотно поднимаюсь на ноги.

– Спасибо, очень мило с твоей стороны, и пахнет заманчиво, но лучше я пойду позвоню Лео. И еще раз прочешу дом – хочу убедиться, что все на месте.

Я убеждаюсь, что наши компьютеры, планшеты и ценные вещи на месте, но не успеваю набрать Лео, потому что звонит Джинни.

– Как прошла вечеринка? – спрашивает она.

– О, отлично. Мне удалось познакомиться почти со всеми, кто живет в нашем «Круге». И классно то, что тут довольно много пар примерно нашего возраста. Ева с Уиллом

помоложе, а остальные – под сорок или сорок с небольшим. Когда вы с Марком будете у нас, я приглашу всех, чтобы вы познакомились. – Я делаю паузу. – Хотя я и врагом успела обзавестись.

– Ого.

– Ну не то чтобы совсем врагом, но я ей явно не нравлюсь. Рыжеволосая красавица по имени Тамсин. Полагаю, она думает, что я намерена влезть в их дружеский кружок. Она дружит с Евой, а Ева живет рядом со мной, и, может, Тамсин боится, что мы с Евой будем день-деньской ходить друг к другу в гости.

– Ты там поосторожней с этими дружескими кружками, – говорит Джинни. – Особенно в таком тесном сообществе, как ваш «Круг».

– Ты так говоришь, словно это секта какая-то.

– Может, так и есть, – отвечает она драматическим шепотом.

Она шутит, но меня все равно пробирает дрожь.

– Всем, похоже, было и вправду интересно, что мы сделали наверху.

– Неудивительно. Там у вас здорово. Лео действительно постарался.

– А у тебя как? Хорошо провела выходные?

– Марк играл в гольф с Беном, так что очень хорошо.

Я смеюсь. Джинни с Марком работают вместе и в буквальном смысле сутками не расстаются, поэтому она каждые вы-

ходные пытается сплавить его поиграть в гольф, чтобы выкроить пару часов для себя. Она в курсе, что Бен не только великолепный риелтор, но еще и потрясающе играет в гольф.

– И теперь это станет традицией?

– Очень надеюсь, – с чувством отвечает Джинни. – Ты не представляешь, как здорово побыть одной дома.

– А я сейчас, наоборот, слишком много сижу одна.

– Когда освоишься там, будет легче.

– Надеюсь.

Я не хотела, чтобы это прозвучало уныло, но Джинни тут же заметила мой тон.

– У тебя все в порядке?

– Просто я давно уже хочу начинать общаться с людьми, а Лео считает, что надо подождать. Он совсем не обрадовался, когда я проявила инициативу и пригласила всех к нам. И совсем напрягся, когда я впустила одного самозванца.

– О, расскажи подробнее! Мне интересно.

Я рассказываю про мужчину, которого никто не видел на вечеринке, и чем больше говорю, тем неуютней себя чувствую.

– Прости, Джинни, мне нужно позвонить Лео, – произношу я. – Сейчас я уже хотя бы могу сообщить ему, как незнакомец попал на территорию.

– Хорошо. Горячий привет ему от меня.

Я звоню Лео и пересказываю ему то, что услышала от Лор-

ны.

– Хорошо, значит, половина загадки разгадана, – отвечает Лео. – Хотя все равно непонятно, зачем он явился. – Он раздраженно вздыхает: – И чего ты принялась там всем все демонстрировать!

– Извини, – виновато отвечаю я. – Но ведь все клиентские дела у тебя заперты в шкафчике для документов, разве нет? – Я не пойму, почему он никак не успокоится.

– Да не в этом дело.

– Ты думаешь, это как-то связано с твоей работой?

– Я консультант, а не шпион. – Его голос звучит резковато. – Слушай, не хочу тебе надоедать, но твои ключи у тебя?

– Да, в сумочке, а что?

– Просто – ну, помнишь, я слышал ночью, что в доме кто-то есть? Вдруг это как-то связано с твоим непрошеным гостем.

Мне делается не по себе.

– Я думала, мы договорились, что здесь никого не было.

– Я знаю. И если твои ключи у тебя, то все в порядке. Мои у меня, и только эти два комплекта были в доме во время вечеринки, то есть все ключи на месте.

– И потом, у нас еще взрезной замок на входной двери, так что в любом случае внутрь никто пробраться не мог, – напоминаю я. – Только если ты забыл защелкнуть его перед сном?

– Нет, вроде не забыл. И ты не забудь запереться сего-

дня вечером, Элис. И продолжай опрашивать народ, ладно?
Нужно выяснить, кто это был.

– Хорошо.

Правда, спрашивать больше было некого. Загадочный незнакомец ускользнул так же легко, как и появился.

Глава 8

Я сгребаю в охапку подушки и одеяло и несу наверх – в легком смущении оттого, что последние две ночи спала у себя в кабинете. В понедельник вечером, когда пришло время ложиться спать, я не смогла заставить себя остаться в спальне одной. Не только потому, что Лео послышалось, будто прошлой ночью кто-то был в доме, но и из-за мыслей о незваном госте на вечеринке. Внизу я чувствовала себя в большей безопасности и потому разложила диван и ночевала там.

Я застилаю постель, потому что нельзя же спать внизу до бесконечности, и иду к шкафу за джинсами. Доставая их с полки, замечаю, что мой белый сарафан, который я хотела надеть в понедельник, висит на вешалке между двумя другими платьями. Радуюсь находке, я вынимаю его: если накинуть сверху кардиган, то можно будет походить в нем сегодня. Натягиваю сарафан через голову и ощущаю легкий запах стирального порошка; хоть я и носила его в субботу на вечеринке, он выглядит чистым и свежим.

Пока я завтракаю, приходит почта: экземпляр романа, который я буду переводить с итальянского на английский. Мне нравится перед началом работы дважды перечитывать книгу и делать заметки, так что я иду в кабинет и устраиваюсь на диване: счастье, что наконец можно вернуться к привычному режиму работы с девяти до семи, четыре дня в неделю.

До сих пор я освобождала себе пятницу, чтобы было три выходных подряд, но, поскольку сейчас Лео по пятницам работает из дома, буду отдыхать в четверг.

Поначалу сконцентрироваться трудно: мешает тревога, что незнакомец вторгнется снова. Сможем ли мы когда-нибудь узнать, кто это был? И – что еще важнее – зачем он это сделал? Последнее меня особенно волнует.

Ближе к обеду, когда несколько глав уже осталось позади, я слышу голоса на дорожке во дворе. Закрываю книгу, иду через гостиную выглянуть в окно и вижу Еву, которая стоит перед черной кованой калиткой, ведущей в парк, и беседует с Тамсин и Мэри. Они, судя по множеству пакетов в руках, вернулись из похода по магазинам. Я с завистью наблюдаю, как они хором смеются в ответ на реплику Евы. Мне становится так одиноко и так хочется оказаться вместе с ними, что я, не дав себе времени передумать, направляюсь к ним.

Иду вдоль дороги, останавливаюсь, чтобы пропустить минивэн из супермаркета, который тормозит напротив дома Эдварда и Лорны. Перехожу дорогу позади него и машу рукой вышедшему на порог Эдварду. Женщины уже не смеются; они сбились вместе, словно обсуждают что-то серьезное, секретное. Какого черта меня к ним понесло? Не хочется их прерывать, но уже поздно: Мэри меня увидела.

– Просто поразительно, что ее это, похоже, не волнует, – произносит Тамсин, когда я к ним приближаюсь.

– Я начинаю сомневаться, что она в курсе, – отвечает Ева.

– Ну, разумеется, в курсе, – фыркает Тамсин.

Мэри поднимает на меня ясный взгляд. Я понимаю, что речь была обо мне.

– Привет, Элис, как дела?

– Спасибо, хорошо, – улыбаюсь я ей.

Ева с Тамсин поспешно оборачиваются. На обеих непрозрачные солнечные очки, и от этого физического барьера между нами мне становится еще больше не по себе.

– Элис! – восклицает Ева, словно полгода меня не видела. Поднимает очки на лоб, задрав дужками короткие волосы. – Чем сегодня занималась?

– Читала. Услышала ваши голоса и решила сделать перерыв.

– Что читаешь?

– Книгу, которую буду переводить.

– А на какой язык? – спрашивает Мэри.

– На английский, с итальянского.

– Интересно.

– Бабушка Уилла – итальянка, и он пытается учить меня, чтобы я могла с ней разговаривать, поскольку на английском она совсем не говорит, – объясняет Ева. – Получается у меня не очень.

– Это ты еще русский не пробовала. Я сто лет училась, чтобы хоть как-то разговаривать.

Ева смотрит на Мэри в крайнем изумлении:

– Я и не знала, что ты по-русски говоришь.

– Говорю, но не очень хорошо. Не бегло, в общем.

Я поворачиваюсь к Тамсин, замечая, что она не проронила ни слова. Сегодня на ней бледно-голубые джинсы и оранжевая футболка, которая на любой другой рыжеволосой женщине выглядела бы странно. А на ней – великолепно.

– А ты? Знаешь какие-нибудь языки?

– Нет, – сухо отвечает она.

– Понятно.

Пусть она меня не любит, но это уже граничит с грубостью. Я оценивающе смотрю на нее. Она потрясающе красива, но есть в ней какая-то грусть. Меня вдруг охватывает желание узнать их всех получше.

– Я тут подумала – чем на дороге стоять, не зайдете ли ко мне на кофе? – спрашиваю я. – Если только вы не заняты?

– Я нет. Сегодня нет, – отвечает Ева.

Мэри улыбается:

– Я тоже. Было бы здорово.

– А я не могу. – Тамсин поднимает руки, демонстрируя пакеты. – Нужно пойти отнести это. Тогда с вами двоими увидимся позже.

Я знаю, что мне не следует обижаться. Но обижаюсь.

К тому времени, как мы ополовинили кофейник, я уже примерно представляю своих новых соседей. Ева с Уиллом знают друг друга двадцать лет, сейчас обоим тридцать один.

– Мы вместе ходили в театральный кружок в школе, – объ-

ясняет Ева. – Он сначала не хотел, потому что там были в основном девчонки. Но, поскольку мы дружили, он пошел туда за компанию, и вдруг всем стало ясно, что у него талант. Правда, сам он относился к нему наплевательски, пока я не убедила его пойти на прослушивание в Королевскую театральную академию. И то согласился лишь потому, что я отказалась общаться с ним, пока он не пойдет.

– Люблю эту историю, – говорит Мэри. – А мы с Тимом познакомились, когда выносили мусор, в университете.

Мэри и Тиму под сорок. Тим – дипломированный психолог, работает на полставки и одновременно учится на психотерапевта. Мэри – логопед, работает четыре дня в неделю, – до тех пор, пока Люк, их младший сын, не пойдет в школу.

– У меня выходной в среду, – рассказывает она. – Так здорово отдохнуть от работы среди недели. Могу сходить на йогу с Евой и Тамсин и потом забрать мальчиков из школы. В остальные дни их забирает Тим.

– Я тоже по средам не работаю, – говорит Ева. – Иначе мы с Мэри бы не пересекались.

Я мысленно передвигаю свой выходной с четверга на среду. Занятия йогой – это интересно.

– Забавно, но в среду я тоже не работаю, – улыбаюсь я.

Потом спрашиваю про Тамсин и Коннора. Они примерно одного возраста с Мэри и Тимом; насколько я уже успела узнать от Лео, Коннор занимается виски: продает дорогие марки богатым клиентам. Тамсин раньше работала моделью

– Это меня не удивляет, – а теперь сидит дома с детьми.

– А еще она у нас математический гений, – сообщает Мэри. Черноволосая и с ног до головы в черном, она выглядит на редкость театрально. – Учится на всяких таких онлайн-курсах и после экзаменов собирается стать бухгалтером.

– Вау, – отзываюсь я в изумлении. – Хотела бы я иметь математические мозги.

– А ты еще что-нибудь выяснила про того загадочного незнакомца? – спрашивает Ева, потянувшись за песочным печеньем.

– Нет. Я стараюсь не напрягаться по этому поводу. Меня больше расстроило, как отреагировала Лорна. Это ведь она его впустила. Ее это прямо убило.

– Очень печально. – Улыбку на лице Евы сменяет озабоченность. – Им с Эдвардом не нужен лишний стресс. Ты знаешь про их сына? Он погиб в Ираке. Их единственный сын, вообще кошмар.

– Ужас! – Я в шоке. – Для них это, наверное, был страшный удар.

– Они раньше жили на побережье, кажется в Борнмуте, и переехали сюда три года назад, – подхватывает Мэри. – Лорна говорила, что воспоминания грызли их все больше и больше и они решили начать все заново. Выбрали Лондон, потому что любят театры и музеи, а в силу возраста им уже тяжело мотаться сюда из Борнмута. И довольно долгое вре-

мы жили тут хорошо, со всеми общались, часто выбирались в город, как и планировали. А потом вся эта история с сыном их снова догнала, и они превратились в затворников. Это действительно очень грустно – они никуда не выходят, даже за продуктами. Им все доставляют, и одежду тоже. Они растеряли всю свою уверенность.

– Или волю к жизни, – спокойно говорю я. Ловлю их растерянные переглядывания и решаю все рассказать: – Мои родители и сестра погибли в автокатастрофе, когда мне было девятнадцать. И я с тех пор надолго потеряла волю к жизни.

– О, Элис, это ужасно. – Ева касается моей руки. – Мои соболезнования.

– Сестре было всего двадцать два. Она отдыхала в Греции с парнем, а родители поехали встречать ее в аэропорт.

– Даже представить себе не могу! – Глаза Мэри полны сочувствия. – Как ты справлялась?

– На мне остались бабушка с дедушкой. Мне приходилось быть сильной ради них, а им – ради меня. Так мы и держали друг друга.

Я снова наполняю их кружки, втайне радуясь, что Тамсин к нам не присоединилась. И когда Мэри снова упоминает йогу, я не произношу ничего такого, что могло бы заставить ее подумать, будто я жажду приглашения присоединиться к ним (хотя на самом деле я жажду). Не хочу злоупотреблять отсутствием Тамсин. К тому же разве Лео не предупреждал меня, чтобы я не бросалась очертя голову в новую дружбу?

– Прости, Элис, мне пора. – Голос Мэри возвращает меня в реальность. – Йога в два, мне нужно сбегать домой за формой. Ева, я тебя на улице жду.

– Наш срединедельный ритуал, – поясняет Ева, когда Мэри ушла. – Мы идем на йогу, потом я сопровождаю Тамсин и Мэри в школу за детьми. Когда погода хорошая, мы идем в наш парк, чтобы дети поиграли. А потом к кому-нибудь на чай.

– Как здорово, – с легкой завистью отзываюсь я.

Ева открывает рот, и мне кажется, что сейчас она пригласит меня ходить с ними.

– Ты когда-нибудь занималась йогой? – спрашивает она вместо этого.

– Никогда. – Я осторожно улыбаюсь. – Может, я присоединюсь к вам в январе, когда начнется новый набор.

Ева уходит, и я из кабинета Лео наблюдаю, как они с Мэри идут через сквер за Тамсин. Перерыв получился приятный; а теперь я рада вернуться к своей книге. Я настолько погружаюсь в нее, что в испуге подсказываю от звонка в дверь. Поспешно закрываю книгу; надеюсь, это Ева – хочет пригласить меня присоединиться к ним в сквере. Смотрю на часы: нет, это не может быть Ева, еще нет трех часов, так что они пока на йоге. Может, это Лорна или Эдвард.

Кладу телефон в задний карман и иду открывать.

Его голова повернута в сторону сквера, но я безошибочно узнаю, кто это. Повинуясь инстинкту, мгновенно захлопы-

ваю дверь, успев заметить, как он удивленно оборачивается. Я отступаю назад, сердце колотится. Зачем он вернулся?

Снова звонок. Я бросаюсь вперед и накидываю дверную цепочку.

– Мисс Доусон? – доносится сквозь дверь.

– Если вы не уйдете, я вызову полицию, – сухо говорю я.

– Очень надеюсь, что вы этого не сделаете. Мисс Доусон, меня зовут Томас Грейнджер, я частный детектив и занимаюсь восстановлением справедливости. Брат моего клиента был обвинен в убийстве, которого не совершал.

– Неважно, я все равно полицию вызову. Вы незаконно проникли в мой дом в субботу.

– На самом деле это вы меня впустили.

– Только потому, что предполагала, что вы один из приглашенных.

– Вы спросили меня, не Том ли я, а я как раз Том, хоть никто меня так и не зовет.

– Я сказала «Тим»!

– Сомневаюсь, что вы сможете доказать это в суде. – В его голосе слышится улыбка, и я ощущаю, как мои позиции ослабевают. – Могу я попросить вас открыть дверь? Мне действительно необходимо поговорить с вами лицом к лицу.

Я неохотно открываю дверь, но оставляю цепочку. Он смотрит на меня сквозь щель, слегка наклонившись, чтобы мне лучше было видно его лицо. Дорога за ним пуста.

– Благодарю. – Он достает из внутреннего кармана пиджа-

ка карточку и подает мне. — Как я уже говорил, я частный детектив и занимаюсь убийством Нины Максвелл.

Я не беру карточку, не могу. От одного этого имени у меня голова взрывается. Прошел уже, наверное, год, но я это убийство никогда не забуду, потому что Ниной звали мою сестру.

Так всегда. Какую бы Нину я ни встречала, я инстинктивно стремлюсь с ней подружиться. Про какую бы ни читала, принимаю все близко к сердцу. Так подействовала на меня смерть старшей сестры, которую я боготворила. Она до сих живет в других женщинах по имени Нина.

Я не сразу справляюсь с нахлынувшими воспоминаниями.

— Нина Максвелл? — спрашиваю я. — Не понимаю, какое отношение имеет ее убийство ко мне.

Он слегка хмурится:

— Никакого, за исключением того, что это случилось здесь.

Я замираю, уставившись на него через щель:

— Где — здесь? В комплексе?

Он хмурится еще больше:

— Нет, здесь, в этом доме.

Я мотаю головой:

— Нет. Это какая-то ошибка. Она здесь не жила. Не в этом доме, по крайней мере. Иначе мы бы знали, риелтор сказал бы нам.

— Я не уверен...

– Простите, – перебиваю я в раздражении от того, что он меня так взбудоражил. – Но вы ошибаетесь. Может быть, Нина Максвелл жила здесь в каком-то другом доме, но не в этом. Мы бы не купили дом, в котором произошло убийство. И потом, мы бы знали, потому что риелтор сказал бы нам.

Я начинаю закрывать дверь, но он не отводит взгляд.

– Боюсь, здесь нет никакой ошибки, мисс Доусон. Нина Максвелл жила именно в этом доме. – Он делает паузу. – И в этом доме она умерла.

Глава 9

Во второй раз за несколько минут я захлопываю дверь у него перед носом. Ноги у меня подкашиваются, я опускаюсь на пол.

– Мне очень жаль, – доносится сквозь дверь, и я вздрагиваю. Он еще здесь. – Я понимаю, что это для вас шок.

– Уходите или я вызываю полицию! – сердито восклицаю я.

– Хорошо, я ухожу. Но могу я попросить вас сделать кое-что? Для начала погуглите это убийство. А потом позвоните риелтору и спросите, почему он скрыл его от вас, когда вы покупали дом. – Слышится шорох, и его карточка проскальзывает в почтовый ящик. – Если почувствуете, что можете со мной поговорить, позвоните по этому номеру, пожалуйста. Мы оба – и я, и мой клиент – будем вам благодарны.

Его шаги затихают вдали. Ползучий страх приковал меня к лестнице, и я не могу сдвинуться с места. Что, если это правда? Достаяю из кармана мобильник, набираю в поисковике «убийство Нины Максвелл». Высвечивается несколько ссылок на новости по теме. Открываю первую, от 21 февраля 2018-го, и вижу фотографию хорошенькой блондинки со смеющимися карими глазами; на шее у нее смутно угадывается золотая цепочка. Я узнаю этот снимок: после убийства он несколько недель мелькал во всех СМИ. С колотящимся

в горле сердцем прокручиваю статью вниз.

«Тридцативосьмилетняя женщина была найдена убитой в Лондоне. Полиция приехала по вызову в один из домов “Круга”, элитного комплекса у Финсбери-парка, около 21:30 вчера вечером и обнаружила там тело Нины Максвелл».

Я чувствую, как в желудке поднимается тошнота. Заставляю себя прочесть статью снова, и мои глаза зацепляются за слово «Круга», словно я надеюсь, что если смотреть на него подольше, то оно испарится. Однако оно не испаряется. И хотя номер дома в статье не упоминается, мысль о том, что Нину Максвелл убили именно здесь, в доме, где я живу, приводит в оторопь. В памяти всплывает картинка: дом в полицейском оцеплении, букеты цветов на тротуаре у входа. Вот у этого самого?

Я отрываюсь от лестницы, хватаю ключи и открываю дверь, немного опасаясь, что увижу перед собой детектива. К счастью, его и след простыл. И всех остальных тоже. Делаю шаг вперед, в ужасе от того, что меня отовсюду видно. Но и в доме я не могу остаться, сейчас никак.

Перехожу дорогу и, толкнув калитку, ведущую в сквер, бросаюсь на ближайшую скамейку. Не знаю, почему я так напугана. Томас Грейнджер был безукоризненно любезен в обе наши встречи. Страшит меня не он сам, а то, что он сказал. Как это вышло, что он знает про убийство в доме, где мы с Лео живем, а мы не знаем? Как это Бен не сказал Лео?

Я нахожу телефон риелторского агентства «Редвудс» и звоню им. Отвечает женщина.

– Могу я поговорить с Беном? – спрашиваю я, стараясь не выдать волнения.

– К сожалению, он уехал на несколько дней. – В ее голосе скорее досада, нежели сожаление.

У меня екает сердце.

– А когда он вернется?

– В понедельник. Могу я вам помочь? Я Бекки, я с ним работаю.

Я медлю с ответом; хочется спросить у нее, знает ли она об убийстве в доме, который Лео через них купил. Верно ли, что каждый, кто там работает, должен знать историю дома, если в нем не так давно произошло убийство?

– Меня зовут Элис Доусон, – отвечаю я, решившись. – Мой партнер, Лео Кертис, недавно купил дом в Финсбери через Бена. В «Круге», номер шесть. И мне надо знать – я слышала, там кое-что случилось в прошлом феврале. Говорят, там погибла женщина? – Выговорить «убита» я не в состоянии.

Долгая пауза; мне это не нравится.

– Думаю, вам лучше поговорить с Беном, мисс Доусон.

– Именно этого я и хотела. Можете дать мне его мобильный, пожалуйста?

– Простите, не могу. Но я попрошу его перезвонить вам

сразу, как только он вернется в понедельник.

– Да, прошу вас.

Я кладу трубку с дурацким ощущением, что подступают слезы. Сердито тру глаза, но не могу приглушить нарастающий ужас от мысли, что наш дом стал местом преступления. Бекки этого не подтвердила, но и не опровергла. Во мне поднимается ярость. Бен, как он мог скрыть это от нас? Он сказал Лео, будто дом дешевле рыночной стоимости из-за того, что целый год не находилось покупателей. Лео, наверное, спросил, почему не находилось, а Бен, наверное, наврал или ушел от ответа. Лео будет просто огорошен. Если все правда, нам придется начинать поиски нового дома.

Мысли несутся вскачь: Лео выставит дом на продажу, и мы переедем в съемную квартиру, пока не найдем что-то еще. Или, что еще лучше, вернемся в мой коттедж. Я тут же топчу эту искру радости от мысли о возвращении в Харлстон, неуместную на фоне убийства. К тому же в моем коттедже еще пять месяцев будут жить арендаторы.

Надо – просто необходимо – поговорить с Лео, но, когда я набираю его номер, меня перебрасывает на голосовую почту. Жду несколько минут, пробую еще раз, но он не отвечает. Мне так хочется докопаться до сути, что я решаю перезвонить в агентство и потребовать, чтобы они дали мне телефон Бена. Но я останавливаю себя. А вдруг он и не обязан был сообщать Лео об убийстве? Я снова открываю поисковик и набираю: «Должны ли риелторы сообщать о том, что в доме

произошло убийство?» Открывается довольно внятная статья, но по мере прочтения радость во мне сменяется разочарованием. Похоже, что, хотя обычно риелторы и говорят об этом, официально они не обязаны.

Я потрясенно откидываюсь на скамейку. Не могу поверить, что Бен повел себя так недобросовестно. Может, по закону он и не обязан, но как насчет моральных обязательств? Его нам рекомендовали Джинни с Марком, и Марк с ним дружит! Надо их предупредить насчет него.

Отправляю Джинни сообщение: «Мы можем поговорить?» Джинни на то и Джинни, по этим трем словам догадывается, что что-то не так, и тут же перезванивает.

– Элис, что случилось? Ты в порядке? С Лео все в порядке?

– Да, с нами все нормально. Но мне нужен твой совет. На самом деле мне нужно поговорить с Беном. У тебя, случайно, нет его номера?

– У Марка есть. А что, что-то не так с домом?

Я вздрагиваю от удивления:

– Откуда ты знаешь?

– Я не знаю, – отвечает она озадаченно. – Но раз ты прошишь номер Бена – значит, наверное, это связано с домом, потому что иначе с чего бы он тебе понадобился?

– Ну да, дело в доме. Я только что узнала, что здесь убили женщину. В нашем доме, номер шесть. – Я произношу эти слова, и ужас возвращается; свободной рукой я вцепляюсь в

деревянную скамейку, словно заземляюсь.

– Что?! – Голос у нее ошарашенный. – Ты говоришь, что женщину убили в вашем доме? Который купил Лео?

– Да.

– Ты уверена?

– Да, я проверила. Помнишь убийство Нины Максвелл? Женщины, которую убил собственный муж?

– Он еще потом покончил с собой?

– Да, кажется. Так вот это был их дом, Джинни. Это случилось здесь. Я посмотрела ленту тогдашних новостей – пишут, что в «Круге». Номер дома не указан, но это было здесь, я знаю.

– Элис, это ужасно. Я тебе сочувствую!

– Очевидно, поэтому дом так долго и не продавался. Никто не хотел покупать. Я их не виню; но не хочу сейчас там находиться, не могу быть в этом доме. Сажу в сквере, и даже это слишком близко. Бен должен был сказать Лео, но не сказал.

– Но... как же это, я не понимаю: разве он не обязан был?

– Похоже, что нет, я проверяла.

– Может, он и не знал.

– Думаю, он должен был знать.

Калитка с лязганьем открывается; я поднимаю взгляд и вижу, как в сквер заходит Джефф и затворяет калитку. На нем его обычная форма: шорты и футболка оверсайз, – только сегодня он еще кепку добавил – защитить лысеющую го-

лову от солнца. Он весело улыбается мне, и меня пронзает желание вскочить и спросить, знает ли он что-нибудь про убийство. Вместо этого я улыбаюсь в ответ, не отрывая ухо от телефона, всячески давая понять, что разговариваю.

– Не могу поверить, что Бен тебе не сказал, – говорит Джинни. – Я не очень хорошо его знаю, Марк знает лучше, но я не могу поверить, что он поступил так нечестно.

– Вот поэтому я и хочу с ним поговорить, – отвечаю я, пока Джефф проходит мимо. – Я звонила в агентство, они сказали, что его не будет несколько дней. Но это очень важно для меня. Ты не могла бы узнать его номер у Марка?

– Сейчас ему позвоню. Хочешь, я сама поговорю с Беном?

– О, неужели ты это сделаешь? – Мой голос садится. – Просто ее звали Нина... Если ты сможешь выяснить, знал ли он, мне будет достаточно.

– Конечно. – Голос Джинни полон сочувствия. Она не знала Нину, но понимает, почему я так расстроена. – Я тебе перезвоню.

До звонка проходит вечность, на всем ее протяжении я чувствую себя абсолютно одинокой, потому что Джефф уже скрылся и вокруг больше никого нет. Наконец телефон звонит, и тут я вижу, как в калитку на противоположном конце сквера заходят Ева, Тамсин и Мэри вместе с оравой галдящих детей. И прежде чем принять звонок, поспешно сдвигаюсь на скамейке и поворачиваюсь к ним спиной в надежде,

что они меня не заметят и пройдут мимо. Однако, взглянув на экран, я понимаю, что номер мне незнаком. Я смотрю в телефон и ненавижу себя за собственную реакцию, за то, как скачет мое сердце. Что, если это тот частный детектив?

Нажимаю зеленую кнопку и отвечаю на звонок.

– Мисс Доусон? – произносит мужской голос, и я уже готова повесить трубку, когда понимаю, что это не Томас Грейнджер.

– Да, – резко отвечаю я, поскольку это, должно быть, Бен.

– Мисс Доусон, это Бен Форбс из «Редвудс». Я только что говорил с Джинни и решил сам вам позвонить. Надеюсь, вы не против?

– Нет, все в порядке, я только хотела понять, узнать, как так вышло, что мы поселились в доме, где убили женщину.

– Я понимаю, что для вас это шок, – повторяет он слова Томаса Грейнджера.

– Да что вы говорите? – свирепо отвечаю я: стало быть, он все знал. – Разве вы не должны были сообщить об этом Лео, хоть по закону и не обязаны?

– Могу я спросить, как вы узнали?

– Сосед сказал, – сочиняю я, поскольку знать о частном детективе Бену незначем. – Но какая разница? Мы должны были услышать об этом от вас.

– Скажите, пожалуйста, а вы говорили с мистером Кертисом?

– Нет еще, он работает. Он будет в шоке – мы теперь точно

не сможем здесь жить. Надеюсь, вы понимаете.

– Я думаю, вам следует позвонить мистеру Кертису, мисс Доусон.

– Я позвоню, как только узнаю, почему вы не рассказали ему об убийстве.

– Простите, мисс Доусон, но мистеру Кертису все известно. Он выяснил историю дома перед покупкой. Он знал, почему дом пустовал целый год и почему продавался ниже рыночной стоимости. – Бен делает паузу, давая мне время осознать услышанное. – Когда он вернулся и сказал, что согласен, я спросил его, точно ли вам это подойдет. Потому что хоть этот дом и смотрели несколько раз, но все в итоге решили, что не смогут чувствовать себя там комфортно. Однако мистер Кертис заверил меня, что вы не против. Что вы закроете глаза на эту историю, поскольку сможете сохранить свой коттедж – в Сассексе, кажется? – Снова пауза. – Я сожалею, мисс Доусон, но вам действительно необходимо поговорить с мистером Кертисом.

Глава 10

Я в таком ступоре, что едва улавливаю звонок мобильного. Это Джинни. Не беру трубку, не могу. Мозг намертво уперся в сказанное Беном.

Поверить в это невозможно. Невозможно поверить, что Лео взял и купил дом, невзирая на совершенное в нем убийство. Слишком неправдоподобно. Как он мог с этим смириться? Как мог хоть на секунду подумать, что с этим смирюсь я? Он же знает, насколько я впечатлительна; не могу смотреть фильм, если чувствую, что сейчас произойдет что-то плохое, и выхожу из комнаты. Видимо, поэтому он мне и не сказал: понимал, что я откажусь тут жить. Хуже того, он соврал Бену, будто я уже в курсе. А еще хуже то, что он сказал Бену, будто я согласилась тут жить потому, что не хочу продавать свой коттедж. Как он мог? Выставил меня одновременно и бесчувственной, и меркантильной. Ненавижу его за это. Зато теперь Бен знает правду. Хотя от этого не особенно легче.

Не могу понять, почему Лео так мне и не сказал. Должен бы по идее был понять, что я когда-нибудь узнаю. Он из-за этого не хотел приглашать к нам гостей? Чтобы кто-нибудь не упомянул об убийстве? И почему никто о нем не заговорил? Ева, Мэри, остальные – почему никто на вечеринке ни словом о нем не обмолвился?

Потому что не могли, наконец доходит до меня. Они думали, что я знаю и что мне это не мешает. Вряд ли кто ввернет такое в разговоре: ну что, Элис, каково это – жить в доме, где произошло убийство? Теперь понятно, что имела в виду Тамсин, когда сказала на вечеринке, что я поступила смело. Не мой переезд из сельской местности в Лондон, а мое заселение в дом с жутким прошлым. И понятна ее фраза, дошедшая до меня сегодня утром. «Просто прекрасно, что ее это, похоже, не волнует». И реплика Евы: «Я уже начинаю сомневаться, что она в курсе».

Меня затопляет благодарность к Еве, которая понимает, что я, возможно, не такая бесчувственная, как все, наверное, думают. Удивительно, что она так дружелюбна со мной; удивительно, что все здесь в целом достаточно любезны. Может, кто-то втайне и осуждает нас за покупку дома, но большинство выказывало заинтересованность...

Боже! Я наклоняюсь вперед, уронив голову на руки. Я же устраивала экскурсию по дому, водила людей наверх. Что они все думали? Те, кому так не терпелось посмотреть спальню, – это из-за убийства, которое там произошло?

Я так и держу телефон в руке; снова гуглю убийство и нахожу статью, написанную спустя четыре дня. Там информации больше: тело обнаружили в спальне, привязанным к стулу. Волосы были отрезаны; ее задушили. «Арестован мужчина, он сотрудничает с полицией и помогает в расследовании» – так завершается статья.

К горлу подкатывает желчь. Мне было известно, как погибла Нина Максвелл, эти картины преследовали меня несколько месяцев. Однако прочитать своими глазами... Чтобы одолеть тошноту, я перенаправляю ее в другое русло, превращаю в злость на тех, кто хотел посмотреть спальню, место убийства. Тамсин и большинство остальных женщин отклонили мое предложение посмотреть перепланировку, интерес проявляли в основном мужчины. Ева была наверху, но не в день вечеринки, а раньше, когда зашла представиться. Я потащила ее наверх показать наш гигантский шкаф. Она согласилась не сразу, и я приняла ее колебания за нежелание показаться слишком любопытной.

– Элис?

Я поднимаю голову и вижу, как ко мне по дорожке идет Ева.

– Что ты тут сидишь? – Она слегка хмурит брови. – Да ты дрожишь! Все в порядке?

– Нет, на самом деле нет.

– Ты заболела? Позвонить кому-нибудь?

– Нет, все хорошо. Хотя, конечно, нет, – пытаюсь я пошутить. – Но я здорова. Я просто чувствую такое унижение и злость!

– Злость – это хорошо, – отвечает Ева, усаживаясь рядом. Аромат ее парфюма – да, это «Армани» – как-то странно успокаивает. – Это лучше, чем болезнь или грусть. Не расскажешь мне, в чем дело?

– Я только что обнаружила, что наш дом, – отвечаю я, стиснув руки, – стал местом жестокого преступления. – Я смотрю на нее в тоске: – Я не знала, Ева. Лео знал, но не сказал мне.

– О, Элис. – Сочувствие в глазах Евы тоже успокаивает. – Я уже начала думать, что ты действительно не знаешь. Поначалу я думала, что ты из тех, кто умеет отделять мух от котлет, кто может сказать, мол, что было, то было.

– Я не способна на такое бесчувствие. Удивительно, что ты вообще со мной разговаривала. Удивительно, что все со мной разговаривали, хотя я даже ни разу не упомянула о происшествии и не сказала, как я сожалею, что вы потеряли соседей.

– Никто тебя не осуждал, Элис.

– Думаю, Тамсин осуждала.

– Ну, может быть. Немного. Нина была ее лучшей подругой, так что это понятно. – Она на секунду замолкает. – Когда она тебя впервые увидела, то подумала на мгновение, что ты – это Нина. Она стояла у окна спальни и смотрела, как ты идешь через сквер. Ты примерно той же комплекции, и с такого расстояния можно было различить только твои светлые волосы. Она чуть с ума не сошла.

Я рассеянно киваю.

– Но почему меня не осуждают? – спрашиваю я. – Разве это не естественно?

Ева проводит рукой по волосам.

– Я думаю, всем просто стало легче, когда дом наконец купили. Наконец он перестал пустовать, в нем кто-то поселился. А то стоял как мавзолей. Дети даже уверяли, что в нем живут привидения, а родители не хотели, чтобы малыши в это верили. Когда мы услышали, что у дома появятся новые хозяева, то в наш комплекс словно потянуло свежим ветром. Наконец мы могли начинать жить дальше. – Она смотрит на меня серьезными глазами: – Люди были благодарны, Элис. Нам это казалось новым стартом.

– Но вы сплетничали о том, что я все знаю, – отвечаю я, роясь в кармане в поисках бумажного платка. – И, конечно, никто не осмелился упомянуть убийство в субботу вечером, хотя много кто захотел посмотреть место, где оно произошло. Хоть бы кто-нибудь спросил меня, каково мне живется с призраком убитой женщины.

Ева, кажется, смутилась.

– Ну, тут отчасти и я руку приложила. Лео сказал Уиллу, что будет благодарен, если никто не станет упоминать при тебе историю дома, поскольку ты якобы очень нервная. Уилл передал мне, а я вроде как всем.

Всплывает воспоминание: Лео идет к Уиллу на следующий день после того, как я всех пригласила к нам.

– Не могу поверить! – Злость возвращается. – Он вообще не хотел, чтобы я об этом узнала, так ведь? – Я смотрю на Еву в надежде, что она сможет дать ответ: – Не понимаю, Ева. Он никогда ничего подобного не делал. Ничего не скрывал, не

говорил неправду. И он должен был понимать, что я все равно когда-нибудь узнаю. Такие вещи не сохранишь в секрете.

— А как ты узнала? — спрашивает Ева и, достав из сумки кепку, начинает ей обмахиваться.

— Мне позвонили, — отвечаю я, надеясь, что моя небольшая заминка пройдет незамеченной. — Журналист. — Я не вру: я почти уверена, что Томас Грейнджер — журналист и представился частным детективом лишь для того, чтобы звучало это более удобоваримо.

Ева нахлобучивает кепку на голову, прямо поверх очков.

— И что он сказал?

— Она спросила меня, каково это — жить там, где произошло жестокое убийство, — сочиняю я на ходу, используя для маскировки женский род. — А когда я сказала, что не знаю, о чем речь, посоветовала погуглить Нину Максвелл. — Хотя бы это точно правда. — Ну, я так и сделала.

— Как ужасно — узнать все вот так.

Я качаю головой.

— Не могу поверить, что Лео знал. — Я со стыдом вспоминаю, как обвинила Бена в том, что он не предупредил Лео. — Лео сказал риелтору, что я не против, потому что дом идет со скидкой и благодаря этому я могу оставить себе коттедж в Харлстоне. Выставил меня совершенно бесчувственной.

Ева тянется обнять меня, но, поскольку мы сидим на скамейке, выходит неловко, и я осознаю, что совсем не знаю Еву. А знаю ли я Лео?

– Что ты собираешься делать? – спрашивает она.

– Надо поговорить с Лео. Но я не хочу ему звонить, хочу поговорить лично. Он возвращается завтра вечером, так что придется ждать. Но в доме я оставаться не могу, пойду в отель. – Я поднимаю глаза на Еву: – Можешь мне помочь? Мне нужно взять из дома пару вещей, не сходишь со мной? Это, наверное, глупо, но мне туда страшно зайти.

– Совсем не глупо. Конечно, я с тобой схожу. И тебе не надо ни в какой отель, можешь остаться у нас с Уиллом.

Я замираю, вдруг перестав понимать, чего я хочу.

– Ты уверена?

– Конечно, уверена!

– Много мне не надо, только пижаму, зубную щетку, смену одежды. И еще книгу и ноут.

– Ну, пошли тогда.

На пороге я передаю Еве ключи. Она открывает дверь, заходит в дом, а я застываю на месте, сжавшись от ужаса. Не знаю, чего я жду – что дом станет другим? Или хотя бы мои ощущения изменятся? Но ничего такого не происходит, и я захожу тоже.

Ева наклоняется подобрать что-то с пола.

– Чья-то визитка, – говорит она и передает мне ее, не глядя.

– Спасибо. – Опустив ее в карман, я жду Еву, которая снимает кепку, засовывает ее в сумку и разувается. Я тоже сбрас-

сываю кроссовки и поднимаюсь вслед за ней наверх, в спальню. Ева входит, я остаюсь в дверях.

Она подает мне руку.

– Тут все по-прежнему, Элис. Ничего не изменилось.

Сделав глубокий вдох, я оглядываю комнату. Ева права, здесь все по-старому. Узорчатые занавески колышутся от ветра так же, как и утром. Моя расческа по-прежнему на туалетном столике; одежда, которую я носила вчера, – на стуле. И все же...

– Не могу тут оставаться, – отвечаю я.

Меня захлестывает нарастающая паника; я бросаюсь к комоду, хватаю пижаму и какое-то нижнее белье и выбегаю из комнаты – подальше от несчастья, которое уже просачивается в мои поры.

Глава 11

– Вот. – Ева подает мне чашку чая. – Выпей, а потом откроем бутылку вина.

– Прости. Сама не знаю, почему я подняла такой переполох. – Подобрав под себя ноги, я устроилась на диване светлой кожи в гостиной у Евы. – Хотя на самом деле знаю. – Ева заслуживает правды. – Ниной звали мою сестру, и поэтому на меня особенно сильно действует все, что происходит с Нинами.

Ева обнимает меня:

– О, Элис, мне так жаль.

– Ей было бы теперь столько же лет, сколько и Нине Максвелл. Наверное, звучит пафосно, но из-за этого мне кажется, будто мою сестру убили дважды.

– И в придачу еще Лео тебе об убийстве не рассказал – любому бы хватило, чтобы с ума сойти. Тебе теперь многое нужно осмыслить.

После бокала сабли становится легче.

– Какой она была? – спрашиваю я.

– Нина? – Ева отпивает вина. – У меня не было возможности хорошо ее узнать, мы переехали сюда всего за пять месяцев до ее смерти. Очень милая, немного не от мира сего. Работала психотерапевтом и еще была квалифицированным инструктором йоги. – Она улыбается: – Запустила нашу йо-

га-группу, и после ее смерти мы в память о ней так и продолжаем.

Мне понравилось, что Нина Максвелл любила йогу: моя сестра тоже. Регулярно пыталась затащить меня к себе на занятие, но у меня всегда находились другие дела. Потом я так жалела, что не сходила хотя бы раз. И еще мне нравится, что Нина Максвелл работала психотерапевтом: похоже, ей нравилось помогать людям.

– А ее муж?

– Милейший человек, каких поискать. Насколько мне казалось. Никогда ведь не знаешь точно, так ведь?

– Ты, наверное, была в шоке, когда его арестовали за убийство?

Ева тянется к низкому стеклянному столику, не круглому и не квадратному, какой-то неопределенной формы, за бокалом.

– Все были. – Она делает глоток. – Мы не могли в это поверить. Думали, обычное дело, первый подозреваемый обычно муж. А потом узнали о его самоубийстве.

Я вспомнила: частный детектив говорил, что хочет восстановить справедливость.

– И тогда вы поверили, что это он убил?

– Да.

– Но почему?

Ева явно нервничает.

– Прости, что пристаю с вопросами, – продолжаю я. – Я

просто пытаюсь понять. Если не хочешь, чтобы я спрашивала, то скажи.

– Нет, все в порядке. На самом деле такое облегчение – наконец поговорить об этом с человеком, которого здесь тогда не было. У нас это стало каким-то табу. – Ева замолкает, обдумывая мой вопрос. – Помимо того что не нашли следов взлома, есть еще причины, из-за которых мы поверили, что Оливер ее убил. Во-первых, его самоубийство, похоже, говорит о том, что он не смог смириться с содеянным, потому что действительно любил Нину; это так ужасно. А еще всплыли кое-какие подробности, убедившие нас, что это не только возможно, а очень вероятно.

– Какие подробности?

– Во-первых, он соврал насчет того, во сколько вернулся домой в тот вечер. – Она хмурится и виновато смотрит на меня. – На самом деле нехорошо повторять то, что я слышала из вторых или третьих уст. Как я уже говорила, я не так уж и хорошо знала Нину. Тамсин знала ее гораздо лучше. А Лорна в тот вечер все видела. – Она ставит бокал и тянется к бутылке. – Разреши тебе добавить?

Хоть меня и снедает любопытство, я рада прекратить разговоры об убийстве. И уважаю ее нежелание распространять сплетни.

– Посмотрим кино? – предлагает Ева. – Что-нибудь легкое, чтобы отвлечься?

– Хорошая мысль, – отзываюсь я.

– Вряд ли ты согласишься на «Когда Гарри встретил Салли»? Я его смотрела только раз.

– Почему бы и нет? – смеюсь я. – Романтическую комедию я переживу.

Мои мысли все равно крутятся вокруг убийства, однако фильм все же занял нас до возвращения Уилла.

– Умоляю, скажи, что ты не голодный, – восклицает Ева, поднимаясь с дивана поцеловать его. – Мы с Элис тут болтали. Она останется на ночь. Здорово, правда?

Я замечаю, как она подмигивает Уиллу, давая понять, что дело серьезное.

Уилл скидывает с плеч рюкзак, ставит его на пол.

– Очень, – отвечает он, улыбнувшись мне. – И – да, я голодный, я всегда голодный, когда у меня весь день репетиции. А вы тут поели?

– Нет, – жалобно отвечает Ева, – даже чипсов нет ни крошки.

– Ну, тогда, может, я сделаю нам тазик пасты?

Ева закидывает руки ему на шею.

– О, я так надеялась, что ты это скажешь! – восклицает она и поворачивается ко мне: – Уилл делает лучшую в мире пасту. Восхитительный соус по рецепту прабабушки. Пальчики оближешь!

– Только если я его с нуля буду делать, то это часа на два, – сообщает Уилл.

— А, ну да, я совсем забыла. — Ева выглядит такой удрученной, что мне становится смешно. — Вся эта возня ради того, чтобы как следует уварить помидоры.

— Именно. Поэтому я сделаю карбонару, если у нас есть бекон.

Ева сияет:

— Есть. Хочешь выпить вина, пока готовишь?

— Нет, не беспокойся, я возьму пива. — Уилл уходит в кухню. — Увидимся минут через двадцать.

Звонит мой мобильник, и я пугаюсь.

— Это Лео! Не могу с ним сейчас говорить.

— Тогда не говори, — отвечает Ева. — Напиши эсэмэс, что ужинаешь с нами и поговоришь с ним позже. Успеешь подготовиться, подумать, что ему сказать.

— Отличная мысль. — Я тут же успокаиваюсь.

Ева встает.

— А пока ты думаешь, я накрою на стол. Приходи, когда будешь готова.

Я пишу Лео эсэмэс и, получив от него в ответ веселое «Отлично, повеселитесь там», ощущаю укол вины из-за того, что он и не подозревает, о чем я собираюсь с ним поговорить. Напоминаю себе, что это не моя вина; это он поступил нечестно. Однако помогает не то чтобы сильно.

Плюс одинаковой планировки домов в «Круге» в том, что я точно знаю, где у Евы с Уиллом кухня. Проходя через холл, слышу, что они тихо разговаривают. Очевидно, Ева расска-

зывает, почему я здесь.

– Помочь? – спрашиваю я, открывая дверь.

– Да, выпей со мной еще вина, – отвечает Ева, доставая из холодильника следующую бутылку.

Там, где у нас стоит стол, у них – барная стойка. Я взбираюсь на стальной барный табурет и наблюдаю, как они перемещаются по кухне. Уилл то и дело натывается на Еву, делая вид, будто она мешает ему пройти. Я улыбаюсь: им так хорошо вместе. И думаю о нас с Лео. А нам хорошо вместе? Я полагала, что да. Но теперь не уверена.

Мы перемещаемся за стол и принимаемся за дымящуюся восхитительную пасту. Я жду, что Уилл что-нибудь скажет о случившемся; я бы не возражала – вдруг у него будет какое-нибудь озарение насчет Лео и он сможет объяснить, почему тот решил скрыть от меня такую важную вещь. Но хоть я и расслабилась немного – Уилл отлично умеет развеселить человека, – он не упоминает ни Лео, ни убийства.

Позже, лежа в их уютной гостевой комнате, я вспоминаю, как недавно говорила Лео об одной своей подруге, которая обнаружила, что ее муж проиграл все их деньги.

– Ты бы видел, Лео, в каком она состоянии! Не знает, что делать: остаться с ним или уйти. Говорит, все доверие пропало.

– А что ты бы сделала на ее месте?

– Я бы не смогла оставаться с тобой без доверия. А если

бы я не могла оставаться с тобой, то и жить бы не стоило. — Тут я пристально взглянула ему в глаза: — Видишь, как я тебя люблю?

Тогда я и не подозревала, что эти слова вернутся и начнут преследовать меня. Но они вернулись. От волнения в преддверии разговора с Лео я не могу заснуть. Он, наверное, удивился, что я так и не перезвонила; а может, заснул прежде, чем понял это. Вспомнив, что Джинни звонила несколько раз, я нашариваю на полу телефон и отправляю ей сообщение, чтобы она не волновалась: «Лео знал об убийстве, Бен ему рассказывал. Я у Евы и Уилла, в соседнем доме. Позвоню тебе завтра. Целую».

Прогнать мысли о Лео мне удастся, но вместо них приходят мысли о Нине Максвелл. Очень трудно прекратить думать о том, что ей пришлось вынести, однако мне все же удастся переключиться с ее смерти на ее жизнь, и я засыпаю, размышляя о том, какой она была.

Прошное

— Как вы? — спрашиваю я с улыбкой. Она пришла в восьмой раз, и у нас явный прогресс.

— Хорошо, — отвечает она. — Я ко всему отношусь намного позитивней.

Она сегодня и правда очень расслаблена. До четвертой встречи включительно она продолжала ходить в строгих юбках и блузках. А сегодня на ней плиссированная юбка чуть выше колен. Волосы, как обычно, стянуты в хвост, однако, судя по всему, скоро я увижу их распущенными.

— Прекрасно, — отвечаю я. — Я так понимаю, вы хорошо провели эти две недели?

— Да. — Она поднимает руку и снимает резинку с волос. — Я много думала насчет того, о чем мы говорили в последний раз, — произносит она, покачивая головой, чтобы освободившиеся волосы рассыпались по плечам.

Я одобрительно киваю. Потребовалось много времени, однако на последней встрече она наконец признала, что корень всех ее проблем — в муже и, если она хочет создать внутри себя личное пространство, чтобы двигаться вперед, им придется расстаться. Жду продолжения рассказа, но она молчит.

— Вы собирались поговорить с мужем, — подсказываю я, не дождавшись. — Вы чувствуете себя лучше благодаря это-

му разговору?

Она кивает.

— Мы долго говорили, и я кое-что поняла. Причина моего несчастья — не он.

Я подавляю вздох. Не следует показывать свое разочарование, но оно тут. Я придвигаю к себе блокнот.

— Во время последней встречи вы пришли к выводу, что как раз он, — отвечаю я, заглянув в записи, и после паузы прибавляю: — И тогда же решили оставить его.

— Знаю, но теперь все по-другому. Я больше не чувствую себя несчастной. Я даже думаю, что на самом деле никогда и не была несчастна.

Солнце сегодня яркое, хотя на улице холодно, и проникающие через жалюзи лучи разделяют ее лицо на ровные прямоугольники.

— Думаю, нужно осмыслить причину такой перемены.

— Наверное, я просто вернулась к себе, — улыбается она. — И я должна вас благодарить за это.

— Правда?

— Да. Вы говорили, что честность — лучший метод, и я рассказала Дэниелу, что я чувствую. Не стала говорить, что хочу уйти от него, а сказала, что несчастна. А он сказал: я не несчастна, просто мне скучно. И я поняла, что он прав. — Она теребит крошечную серебряную букву J, которая свешивается с браслета ее «Омеги» белого золота. — Я никогда не задумывалась насчет работы: денег мне хвата-

ет. И из-за этого у меня слишком много свободного времени. Чтобы думать, замыкаться на себе. А мне нужно смотреть на других, направлять свою энергию на помощь им. И Дэниел предложил мне заняться волонтерством и уже посоветовал пару организаций. — Она смеется. — Я же говорила, он потрясающий!

— Да, это большой прогресс, — улыбаюсь я.

— Думаю, теперь можно прекратить наши встречи, — говорит она. — Я чувствую себя виноватой, что не рассказывала о них Дэниелу. Мне кажется, продолжать уже незачем. Но, с другой стороны, страшно все испортить такой резкой отменой. — Она с беспокойством поглядывает на меня: — А вы как думаете?

— Я думаю, что несколько сеансов с расслабляющими процедурами, о которых мы говорили на первой встрече, — хороший способ мягко выйти из терапии. Как вы считаете, вам бы это подошло?

Она радостно кивает:

— Определенно. Расслабляющие процедуры — это Дэниел как раз поймет.

— Прекрасно. — Ненавижу терять клиентов, когда в них уже вложено столько труда. Поглядев на часы, встаю. — У нас как раз есть время, если хотите.

Глава 12

– Оставайся сколько нужно, – говорит Уилл на следующее утро, забирая свою тарелку и кофейную чашку с барной стойки и загружая их в посудомойку. – Просто закрывай дверь, когда уходишь.

– Спасибо, – благодарю я.

– Мы вместе выходим, Ева? – спрашивает он, заправляя в джинсы рубашку, которая за завтраком была навыпуск. – А то мне уже пора.

Ева, соскользнув с табурета, с тревогой смотрит на меня:

– Ты уверена, что мне не надо отменить встречу с мамой? Она поймет.

– Нет, все в порядке, я должна подумать о том, что сказать Лео.

– Тогда да, Уилл, я иду с тобой. – Она коротко обнимает меня. – Если я понадобится, просто позвони. Мой номер у тебя есть.

– И вечером сегодня мы оба дома, – прибавляет Уилл, подхватывая свой рюкзак.

– Спасибо вам. Вы такие добрые.

Ева нерешительно топчется на месте.

– Ты справишься?

– Да, все будет хорошо. У меня есть работа.

Однако я слишком взвинчена, чтобы сосредоточиться на

книге. Уязвлена. Растеряна. Если Лео врал и мне, и про меня, то что еще он от меня скрывает? Мне мало что известно о его прежней жизни. Я знаю, что в восемнадцать лет он ушел из дома из-за напряженных отношений с родителями и перебивался случайными заработками, пока не осознал, что образование может решить его проблемы. И он старательно учился, потом работал в двух инвестиционных компаниях, а затем уже стал менеджером по управлению рисками.

Нужно чем-то заняться. Я открываю ноутбук, потом достаю визитку, которую Ева передала мне вчера вечером, когда мы с ней пришли ко мне домой. Держу ее, крепко зажав края. На ней черными буквами вытиснено: «ТОМАС ГРЕЙНДЖЕР». Набираю в поисковике: «Томас Грейнджер, частный детектив». Хочу посмотреть, настоящий ли он. К моему удивлению, да; у него профессиональный сайт с неброским дизайном и офис в Уимблдоне. Я сохраняю в телефоне адрес сайта. И с новым воодушевлением принимаюсь за поиски информации об убийстве Нины Максвелл. Хочу узнать все, что есть на эту тему, хотя не очень понимаю зачем. Возможно, это подсказка подсознания: мне станет лучше, когда я узнаю все факты. Когда почувствую, что все под контролем, а не наоборот.

Я читаю статью за статьей, делаю заметки, но почти ничего нового не узнаю. Нину убили примерно в 21:00. Ее муж набрал 999 около 21:20 и сказал, что пришел с работы и обнаружил ее мертвой в спальне.

Желудок сжимается, едва я вспоминаю, как Лео настаивал на объединении двух спален в одну. «Хочется тут что-то поменять», – сказал он. Еще бы тебе не хотелось, возмущенно думаю я. Чтобы потом я, когда наконец узнаю об убийстве, не имела права психовать, что мы спим в той самой спальне, ведь де-факто спальня будет уже *не та*. Хотя на самом деле – все та же.

Согласно одной из самых подробных статей, в спальне происходила борьба, Нина Максвелл героически сопротивлялась, пока не потеряла сознание, и ее привязали к стулу поясами от банных халатов – ее и мужа. Насколько я могу понять, все указывает на то, что убийца – муж.

Приходит сообщение: «Надеюсь быть дома к семи. Сегодня вечером встреча ассоциации жителей, так что успею только наскоро поужинать. Жду не дождусь встречи. Чмоки».

Я пишу в ответ: «Напиши, когда проедешь Юстон».

Заметил он, что я не прибавила в конце «чмоки»? Когда Лео без четверти семь пишет из Юстона, я набираюсь смелости, беру ноутбук, книгу и сумку и иду домой.

Домой. «Сейчас это мой дом», – напоминаю я себе, вставляя ключ в замок. За несколько недель, прожитых здесь, я превратила его в наш дом, мой и Лео. Что будет, если я не смогу в нем остаться?

Стоя в холле, пытаюсь представить, как хорошо в этом доме жилось Нине Максвелл. А как иначе? У нее были друзья

и, как утверждает Ева, симпатичный муж. Вот только он в итоге ее убил. Судя по фотографиям и по рассказам свидетелей, которые я видела в Сети, он не выглядел человеком, способным на убийство. А кто выглядит?

Полная решимости думать о них как о Нине и Оливере, а не жертве и преступнике, я иду по дому и рисую картины их совместной жизни, взяв за основу воспоминания о своей сестре и ее парне. Я представляю их на кухне – болтают и готовят ужин; на диване в гостиной – смотрят кино, Нина кладет ноги ему на колени. Все было абсолютно нормально до тех пор, пока кошмар не изменил их жизни навсегда. Как и в случае с моей сестрой.

Сосредоточившись на Нине и Оливере, я кое-как справляюсь с тревогой, сжимавшей мне сердце со вчерашнего вечера. Желая проверить себя, направляюсь к лестнице. На верхней площадке я чувствую себя нормально; в гостевой спальне тоже. Но, открыв дверь на другой стороне площадки и заглянув в нашу спальню, я вижу лишь то, что все это время пыталась прогнать из головы: безжизненное тело Нины, привязанное к стулу, и рассыпанные по полу светлые волосы. Картинка настолько реальна, что у меня перехватывает дыхание. Захлопнув дверь, бросаюсь вниз по лестнице, пошатываясь и цепляясь за перила. Лео будет с минуты на минуту; я спешу на кухню, к крану, и, плеснув водой себе в лицо, сажусь за стол в ожидании. Каково это – жить в доме, где убили женщину?

Долго ждать не пришлось. Я слышу, как Лео поворачивает ключ в замке, как идет через холл, как со стуком бросает сумку на пол.

– Я дома!

Я слышу все: шорох материи, когда он сбрасывает с плеч пиджак; звон монет в кармане, когда он вешает пиджак на столбик в конце лестничных перил; легкий удар галстука по рубашке, когда он ослабляет узел; вздох, с которым он освобождает шею.

– Элис, где ты? – зовет он.

Я не могу увидеть, как он хмурится, не получив ответа, – могу лишь представить. Он идет через холл и появляется в кухне, в уличных туфлях и с озабоченным лицом, которое при виде меня, сидящей за столом, мгновенно разглаживается.

– Вот ты где, – говорит он, и в его голосе слышится улыбка. Он наклоняется поцеловать меня, я уворачиваюсь. – Что такое? – спрашивает он тревожно.

– Кто ты, Лео?

Кровь мгновенно отливает от его лица, и я уже порываюсь вскочить и усадить его, однако остаюсь на месте и бесстрастно наблюдаю, как он хватается за спинку стула и тяжело облокачивается на него, отчаянно пытаюсь вернуть самообладание.

– Как ты мог? Как ты мог скрывать от меня нечто настоль-

ко... настолько ужасное, кошмарное? – говорю я, сердясь, что не могу найти других слов, кроме «ужасное» и «кошмарное», для произошедшего наверху. – Как ты мог надеяться, что я не узнаю?

– Кто тебе сказал? – спрашивает он так тихо, что я с трудом его слышу.

– Соседи. – Мне все равно, что это неправда. Я расскажу ему про Томаса Грейнджера, когда разберусь в его обмане до конца.

Он поднимает на меня глаза; сквозь муку на его лице пробивается изумление.

– *Соседи* сказали?

Я выдерживаю его взгляд:

– Да.

– Но... – Он проводит рукой по волосам, продолжая другой держаться за стул. – Кто именно?

– Какая разница? – нетерпеливо отвечаю я. – Как ты мог врать мне, Лео?

– Я... я... – Он чуть не плачет, и я пугаюсь и немного смущаюсь. Наверное, он очень боялся, что я узнаю. Но я не могу простить его; не сейчас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.